

ПИСЬМА М. Н. ОСТРОВСКОГО К ОСТРОВСКОМУ

Статья и публикация И. С. Фридкиной

В Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина находится 369 писем Михаила Николаевича Островского (1827—1901) к брату-драматургу. Это наименее изученная часть архива Островского. Отдельные письма публиковались лишь в небольших отрывках, главным образом в комментариях к пьесам Островского и исследованиях о нем.

Между тем эти письма представляют несомненный интерес, так как, охватывая большой период времени — 35 лет (первое письмо относится, очевидно, к 1851 г. — последнее датировано 29 мая 1886 г., т. е. написано за четыре дня до смерти драматурга), — они являются ценными биографическими и историческими документами. Обогащая наши сведения об Островском, они служат авторитетным источником для изучения его биографии, неразрывно связанной с литературной и театральной жизнью России того времени.

Михаил Николаевич Островский, крупный чиновник, был связан служебными и дружескими отношениями со многими официальными лицами, от которых зависело положение драматурга. Пользуясь этими связями, Михаил Николаевич много делал для продвижения пьес Островского через цензуру, добился в 1881 г. разрешения постановки на сцене комедии «Свои люди — сочтемся!» в первоначальной редакции, без цензурных искажений; часто брал на себя роль посредника между драматургом и правительственными учреждениями, оказывая помощь брату в литературных и театральных делах.

Письма М. Н. Островского к брату имеют особое значение еще и потому, что ответных писем Островского не сохранилось. Во всяком случае, они до сих пор не обнаружены, и только эта «односторонняя» часть эпистолярного наследия освещает многие события тех лет, отраженные в переписке братьев (в Полное собрание сочинений Островского вошло лишь 12 его писем, случайно сохранившихся в копиях).

По «легенде» архива Островского большая часть писем М. Н. Островского была найдена в частной квартире в Петрограде в 1919 г. и передана А. А. Бахрушину сыном драматурга Сергеем Александровичем Островским.

В настоящую публикацию вошли 58 писем, представляющих наибольший интерес. Они дают ценные сведения по истории создания, публикации и постановки пьес Островского, о взаимоотношениях его с писателями, актерами, с дирекцией императорских театров и о препятствиях, чинимых цензурой при печатании и постановке его пьес; они дают также интересный материал об общественной деятельности драматурга, событиях тех лет, которые волновали его и оказывали влияние на его жизнь.

Многие письма рисуют неприглядную картину бюрократического руководства театрами, оскорбительное отношение к драматургу со стороны театральной дирекции и Министерства двора.

Из этих писем мы узнаем о материальных лишениях, которые преследовали Островского всю жизнь, и историю приобретения братьями столь любимого драматургом Щелыкова.

В публикацию этого тома не вошли письма, содержание которых составляют главным образом расчеты по имению и наследству, сообщения о получении и отправке юбилейных денег, узко-семейные и бытовые события, служебные дела Михаила Николаевича, характеристики его личных знакомых и сослуживцев.

Михаил Николаевич Островский родился в Москве 30 марта 1827 г. Так же, как и старший брат Александр, он получил хорошее домашнее образование и поступил в Первую московскую гимназию, которая в те годы (1837—1844 гг.) была одним из лучших средних учебных заведений Москвы и готовила своих питомцев прямо к поступлению в университет.

В архиве сохранились документы Михаила Островского, которые были поданы в 1844 г. при поступлении в Московский университет: 1) копия с протокола о дворянстве из Московского депутатского собрания; 2) свидетельство о рождении; 3) «Объявление» (так тогда называли заявления) Михаила Островского, который «для усовершенствования себя в науках» желал поступить в число «своекоштных студентов» по юридическому факультету и 4) аттестат об окончании гимназии.

Оба брата поступили на юридической факультет по желанию своего отца. То, что не привлекало будущего драматурга, рано почувствовавшего «наклонность к авторству», отвечало стремлениям младшего брата, готовившегося к деятельности государственного чиновника. В этом же архиве сохранился и его университетский аттестат, из которого следует, что он «окончил курс по юридическому факультету и за отличные успехи утвержден в степени кандидата»¹.

В 40-е годы прошлого века, в то время, когда там учились братья Островские, Московский университет был центром передовой мысли. Его прогрессивная роль в общественной жизни страны и развитии русской культуры общеизвестна. О влиянии на молодежь блестящих лекций Грановского написано много. Есть основания предполагать, что и Михаил Островский не оставался равнодушным к горячим словам о честном труде, справедливости, нравственном долге.

Отзвуки этих настроений слышатся в его письмах из Симбирска и Петербурга, когда молодой чиновник сообщает брату о своих первых шагах на службе, о занятиях, которые радуют его тем, что требуют «соображения», а не «бесплодного знания формы», о надеждах восполнить недостатки образования, заняться переводами, писать в журналах «не только о симбирском обществе, но и о простонародье симбирском».

В начальниках он ценит просвещенность, а не чины, ум, а не знатность.

Об университетских годах, как о времени, полном «надежд» и «светлых ожиданий», он вспоминает даже в 1880-е годы, которые в письме к П. В. Анненкову называет миром «современной печальной и тревожной действительности»².

В Государственном историческом архиве Ленинграда хранится формулярный список «О службе министра государственных имуществ статс-секретаря тайного советника Островского»³.

Из этого списка известно, что с 1848 г. М. Н. Островский, отлично окончивший Московский университет со степенью кандидата, приказом по гражданскому ведомству определен в канцелярию симбирского гражданского губернатора с чином коллежского секретаря. В этой должности он пробыл недолго. Новые все более высокие назначения и чины «за отлично-усердную и ревностную службу» следовали один за другим с необычайной быстротой и регулярностью. Он сам много раз, с некоторым удивлением, писал брату, что на него «продолжают сыпаться почести».

В Симбирске М. Н. Островский близко сошелся с семьей Александра Николаевича Татарникова (1810—1861), человека либеральных взглядов. Его считали «вольнодумцем» и «прогрессистом»; во время царствования Николая I он был даже сослан в одну из своих деревень, но в предреформенные годы был избран в губернский комитет «по крестьянскому вопросу» и приглашен в Петербург для участия в работе «Редакционной коллегии» по составлению «Положения 19 февраля 1861 г.».

У Татариновых в Симбирске и потом в столице М. Н. Островский бывал часто и, очевидно, у них он познакомился с Н. А. Добролюбовым, который преподавал дочери Татарникова — Наталье Александровне — историю литературы.

Наталья Александровна Татарникова (1845—1910; по первому мужу Грибовская; по второму — Островская) — переводчица, писательница. Она оставила дневник и интересные воспоминания, в которых описывала знакомых и посетителей их дома, иногда сочувственно и доброжелательно, чаще с юмором, насмешливо. Ее учитель

Добролюбов за злой язык назвал ее «женский Щедрин». Татаринова с детства не любила М. Н. Островского и писала о нем с неприязнью, высмеивала его внешность, его педантичность, стремление найти каждому явлению в жизни определение, желание воспитывать, поучать их, детей («объясняет каждый цветок и что небо так чисто, цветы так душисты»). Она писала, что он не пользовался успехом потому, что «с девицами <...> рассуждал об отвлеченных предметах», «читал нотации во имя нравственности», «шутил слишком остроумно», рассказывал детям сказки «слишком замысловатые». Эти качества вызывали раздражение и насмешки Татариновой. Однако в характеристике Татариновой отмечены и достоинства М. Н. Островского: «Он был москвич, воспитанник Московского университета. Он в Москве юношей попал в образованный кружок, так что одному ему из всех наших молодых людей не пришлось засиживаться за книгами и развиваться, как выражались тогда, — он приехал начитанный и развитый <...> и Кашперов, и Грибовский были людьми молодыми, обеспеченными и равнодушными к чинам. <...> У Островского же не было никакого состояния и служба была для него необходима. Он был чиновник аккуратный, исполнительный, знающий, перед начальством не кланялся, но и не фордыбачил. Он был самолюбив и честолюбив, мечтал выйти в люди, но не о карьере в русском смысле мечтал он. Он стремился, как говорят англичане, «to rise in the world» * и возвыситься желал он не протекцией, не окольными путями, а умом, трудом, способностями. В те времена честному человеку трудно было, да и даже считалось несколько неблагоприятным возвыситься службой»⁴. В другом месте Татаринова пишет, что у М. Н. Островского «шансов на карьеру, кроме своей головы, не было»⁵.

М. Н. Островский сделал блестящую бюрократическую карьеру: был сенатором, министром государственных имуществ, председателем департамента государственных законов. Он имел чин действительного тайного советника и орден Андрея Первозванного. Был почетным членом Академии наук и Общества испытателей природы, Археологического института и Российского общества Красного Креста, председателем Комитета Музея прикладных знаний и первым почетным гражданином города Пятигорска, «в знак признательности Городского общества к внимательному отношению к нуждам этого города, при сооружении городского водопровода», и т. д., и т. п.

Все чины М. Н. Островского, почетные звания и даже размер жалованья, многочисленные награды, ордена и медали тщательно зафиксированы в его формулярном списке, который находится в деле Департамента общих дел «О службе министра государственных имуществ статс-секретаря тайного советника Островского»; там же хранятся его докладные записки на имя царя, главным образом, просьбы разрешить посещения разных городов и областей «для личного знакомства с положением дел», для проверки «тех улучшений, которые должны были последовать» после его указаний; письма от многих научных обществ, обращающихся к нему со словами признательности и уважения к «плодотворному влиянию его в качестве лица, руководящего деятельностью многих рассадников просвещения в государстве»⁶.

При знакомстве с этим сухим перечнем вех на пути бюрократической карьеры М. Н. Островского с дошедшими до нас немногими, большей частью положительными отзывами о нем как о человеке, так и о государственном чиновнике, и прежде всего с его собственными письмами, публикуемыми в настоящем томе, перед нами встает фигура крупного государственного деятеля и личности незаурядной.

Преобладающую черту характера М. Н. Островского составляла строгость к себе и подчиненным, честность и добросовестность при исполнении своих обязанностей и служебного долга на благо России, как он их понимал, будучи по убеждению консерватором, сторонником монархии. По характеру и воспитанию он был человеком гуманным, с широкими разносторонними интересами и, безусловно, честным и бескорыстным, как, впрочем, и вся семья Островских, о чем свидетельствуют письма и воспоминания их друзей.

Примером, которому он хотел подражать в своей служебной практике, человеком, которого он считал самым замечательным государственным деятелем России, был

* сделать карьеру (англ.).

Валериан Алексеевич Татаринов — главный государственный контролер. В его департаменте М. Н. Островский служил во второй половине 50-х годов, а в апреле 1871 г. был назначен товарищем государственного контролера⁷, но это было уже после смерти Татаринова, которую Островский воспринял как большое горе. «Что потерял в нем я, что потеряло государство!» — писал он брату.

Действительно, В. А. Татаринов для своего времени был выдающимся государственным деятелем. Буржуазные историки называли его «великим государственным мужем, преобразователем государственного контроля». Зная, как немного дали эти преобразования, мы теперь расцениваем его роль в истории России значительно скромнее. Однако и советская историческая наука отдает должное этому незаурядному деятелю, стороннику и непосредственному участнику проведения в жизнь буржуазных финансовых реформ 1860—1866 гг.

Современники считали М. Н. Островского человеком умным, весьма образованным, но несколько сухим, педантичным и излишне строгим, особенно в пожилом возрасте. Но при чтении его писем к брату, публикуемых в настоящем томе, и некоторых отзывов о нем, напечатанных раньше, впечатление о личности М. Н. Островского усложняется. Его взгляды, отношения к современной ему действительности, к литературе и даже к творчеству брата, которого, по словам Добролюбова, он считал «русским Шекспиром», не оставались неизменными и не были простыми и односложными.

В 70—80-е годы он не только с уважением отзывался о Победоносцеве, но и возлагал надежды на то, что тот сумеет «поднять нравственное значение духовенства» (письмо 21 апреля 1880 г.). Он дружил с Е. М. Феоктистовым и даже, если верить анонимной эпиграмме, содействовал его назначению на должность начальника Управления по делам печати, хотя Феоктистов уже в то время был известен как деятель консервативного направления, а после его назначения был закрыт журнал «Отечественные записки» (впрочем, Феоктистов имел и более сильных покровителей — Победоносцева и Д. А. Толстого и для того, чтобы получить должность начальника Управления по печати, ему не нужна была протекция Михаила Островского).

С. Ю. Витте, хорошо знавший М. Н. Островского, пишет в воспоминаниях, что «он имел некоторое влияние на императора Александра III, благодаря своему уму или, вернее говоря, благодаря здравому рассудку, определенности и политической твердости характера. Направления он был весьма консервативного»⁸.

Интересно вместе с тем, что в письмах этого убежденного консерватора 70—80-х годов содержатся трезвые и резкие характеристики современной действительности. Так, в 1872 г. М. Н. Островский писал П. В. Анненкову:

«Только в деревне ближе узнаешь наш народ и его обстановку, т. е. те именно стороны нашей жизни, от которых главнейшим образом зависит та или иная будущность нашего отечества. Народ в нашей местности — чрезвычайно кроткий, добрый, на все способный и нельзя сказать, чтобы особенно бедный, но вместе с тем народ несчастный, брошенный совершенно на произвол судьбы и в нравственном и материальном отношении».

Островский прилагал много усилий для проведения в жизнь реформ, способствующих процветанию государства. Его деятельность в Государственном контроле и на посту министра государственных имуществ была устремлена на упорядочение государственных средств и направление их на развитие сельского хозяйства, улучшение сельскохозяйственного образования, горного дела, преумножение природных богатств. Ему принадлежит разработка и проведение в жизнь первого в России закона о сохранении лесных богатств (1888). Он боролся с казнокрадством, пытался ограничить возможности кулаков в приобретении казенных земель и леса, пытался защищать интересы беднейшего крестьянства.

Однако горячее стремление М. Н. Островского содействовать экономическому, культурному развитию своей страны не затрагивало социально-политического строя России и практически результаты его энергичной деятельности на посту министра были незначительны. Он и сам это понимал, когда на вопрос брата о причине его огорчений писал: «Мои волнения и огорчения не имеют личного характера, это заботы <...> касаются насущных интересов нашего отечества» (письмо 3 февраля 1883 г.)

и посылал в Щелыково свои личные деньги для облегчения участи самых бедных крестьян (письмо 14 апреля 1876 г.).

В цитированном письме к Анненкову говорилось: «В нравственном отношении он <т. е. русский народ. — И. Ф.>, конечно, мог бы и должен бы был находить себе поддержку и руководство в нашем местном духовенстве, — но что это за духовенство! Не зная его близко, не поверишь — что это за невежество и за разврат <...> Пьют наши отцы духовные горькую чашу и не только пьют сами, но и народ спаивают <...> Но этого мало: наше местное духовенство пользуется всяким случаем, чтобы эксплуатировать народ самым безобразным образом. Заболел ли кто, ему говорят: не ходи к доктору, а отслужи три молебна, или иди к такому-то попу, который (по его собственному заверению) изгоняет бесов из человека <...> Напал ли червь на хлеб, — иди к такому-то попу, который умеет проклясть червя и т. п. И за все за это деньги и при всем этом вино... Ну, не несчастный ли наш народ..? Прибавьте к этому еще и наш волостной суд, который — верх безобразия. Я знаю такие возмутительные случаи, что вспомнить только об них — жутко станет: за ведро вина откупаются от рекрутства, за ведро вина хватают парня одиночку, выпедшего из лет — хватают на работе — заковывают, не дают заехать домой и с женой проститься и прямо везут в рекрутское присутствие, где и сдают, несмотря ни на какие с его стороны возражения. А изыскания недоимок! Секут и секут...»⁹

Человек далекий от передовых сил русского общества, защитник самодержавия, он с уважением писал брату о Вере Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Трепова, и о поведении на суде А. К. Соловьева, совершившего покушение на Александра II (письма 1 апреля 1878 г. и 4/16 июня 1879 г.).

В письме 27 июня 1874 г. М. Н. Островский выражает удивление по поводу задержки очередной книжки «Отечественных записок» и с одобрением отзывается об одной главе Салтыкова из цикла «Благонамеренные речи», называя ее лучшей статьей писателя. В 1883 г.; благодаря его содействию, Салтыков мог напечатать незадолго до закрытия «Отечественных записок» три свои сказки, запрещенные цензурой.

О помощи ему А. Н. и М. Н. Островских писал Салтыков А. А. Краевскому 22 декабря 1883 г.¹⁰

Эти факты характеризуют М. Н. Островского как человека не ограниченного, способного выражать симпатии и к людям других убеждений. Известно, что Салтыков не любил М. Н. Островского и отзывался о нем весьма неуважительно, что вполне естественно при тех принципиальных расхождениях в политических взглядах, которых не могло не быть у министра царского правительства и писателя-сатирика. Отрицательное отношение к брату драматурга усилилось после того, как в 1883 г. на должность начальника Управления по делам печати при содействии М. Н. Островского был назначен Феокистов. «На место князя Вяземского начальником печати назначается г. Феокистов — это может дать вам меру, что ожидает нас в будущем», — писал Салтыков-Шедрин сотруднику редакции Г. З. Елисееву¹¹.

В эти годы Салтыков очень язвительно писал о брате драматурга. В письме к А. Л. Боровиковскому 31 января 1883 г. он замечает: «Островский, министр, брата своего (Александра) похода поносит»¹². Кавалось бы, это резко расходится с тем, что известно об отношении Михаила Николаевича к брату. Тем не менее сообщение Салтыкова, несколько заостренное по форме, в основе своей, видимо, справедливо. Восхищаясь многими пьесами брата, считая его «настоящим поэтом», М. Н. Островский сдержанно относился к поздним произведениям драматурга, в которых были сильны сатирические тенденции, а пьесу «Красавец-мужчина» называл даже «чересчур реальною» (письмо 8 января 1883 г.). М. Н. Островский не считал брата обличителем «темного царства» и настаивал на том, что «он в изящных произведениях не преследовал иных целей, кроме чисто художественных». Поэта прежде всего оценил в Островском и другой его брат, Петр Николаевич, который, как свидетельствует И. Л. Леонтьев-Щеглов, говорил: «Что меня поражает в отзывах критиков об Александре Николаевиче, — это узкая бытовая мерка, с которой обыкновенно подходят к его произведениям. Забывают, что прежде всего он был поэт, и большой поэт, с настоящей хрустальной поэзией, ка-

кую можно встретить у Пушкина или Аполлона Майкова!.. Согласитесь, что только большой поэт мог создать такой перл народной поэзии, как «Снегурочка?»¹³.

Вспомним, однако, что сам Островский считал, что театральная публика ждет от театра не только художественных впечатлений, но «разъяснения моральных и общественных явлений и вопросов, задаваемых жизнью» (XII, 25).

Михаил Николаевич был поклонником Гете и Шиллера, очень любил Тургенева и выражал восхищение «Снегурочкой». Он писал брату: «Твоя новая пьеса так и дышит тем эпическим характером, который так привлекателен для меня в творениях замечательных поэтов *прежнего времени*» (письмо 22 апреля 1873 г.).

В своих дневниках Добролюбов посвятил М. Н. Островскому несколько строк и писал, в частности: «М. Островский — человек очень неглупый и образованный, понявший несколько и германской философии, особенно по части эстетики. Он стоит за чистое искусство <...>. Таким образом, он, между прочим, ругнул диссертацию Чернышевского и назвал ее пошлостью...» и дальше: «... он уступил мне, согласившись, что всякое явление природы, и жизни, переходя в искусство, должно непременно, чтобы иметь какое-нибудь достоинство, осветиться сознанием, пониманием автора, должно пройти сквозь его душу, не как через дагерротип, а слиться с его внутренней жизнью и явиться в стихе, в образе как результат духовного настроения и сознательного чувства художника»¹⁴.

В разных архивохранилищах страны — ИРЛИ, Государственном историческом архиве Ленинграда, Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Институте истории Академии наук СССР, Историческом архиве в Москве и других — мы немного нашли материала о личности М. Н. Островского¹⁵. Пожалуй, самые интересные сведения о нем, о его взглядах и характере, мыслях и отношениях к современникам и общественным событиям дают его письма к брату.

М. Н. Островский по возрасту был ближе всех к старшему брату, А. Н. Островскому, и связывающая их с детских лет дружба особенно способствовала развитию у младшего любви к литературе и театру.

Он и сам писал стихи, делал стихотворные переводы из немецких классиков и, по свидетельству современников, был даже автором поэмы, которую так же, как и свои стихотворения, показывал только близким друзьям. Три его стихотворения были опубликованы Б. Л. Модзалевским в упоминаемом выше сборнике¹⁶, автографы двух других стихотворений находятся в ИРЛИ.

Не преувеличивая поэтического дара брата драматурга, мы рискуем все же привести полностью одно из его стихотворений. Оно датировано 10 сентября 1853 г., Симбирск.

Природа

Когда в толпе холодной света
Ты не найдешь себе друзей,
Не встретишь ласки и приветя
У нищих чувствами людей,

Тогда, забыв свои невзгоды,
Ты в лоно благостной природы
Стремися пылкою душой;
Там ты найдешь, о чем бывало
Душа восторженно мечтала
Во время юности живой.

Делясь и горем и отрадой,
В природе встретишь ты любовь;
И ароматом и прохладой
Она твою взволнует кровь.

Леса теней и шума полны,
Потока яростные волны
Дадут ответ мечте твоей;
И песнь души твоей влюбленной
И гимн природе вдохновенный
Споет счастливый соловей¹⁷.

Это, несомненно, подражательное стихотворение характеризует романтические настроения 26-летнего автора, сохранившего еще студенческую восторженность и как будто рисующегося своей меланхолией. По словам Н. А. Татариновой, М. Н. Островский мечтал о литературной славе. «Он принимал за талант свой ум и способность довольно легко выражать свои мысли и марал бумагу без конца. Он писал стихи тетюшкам, мамаше, знакомым, нам, детям, воспевал природу, любовь, утро, день, ночь, посвящал отца, приятелям переводы в стихах, и недурные переводы, начал повесть, начал поэму....»¹⁸

М. Н. Островский преподавал Татариновой русскую литературу и язык одновременно с Добролюбовым. «Михаил Николаевич также принялся меня развивать, только в другую сторону, чем Добролюбов. Он проповедывал мне художественность, заставлял меня писать о низком в искусстве, о трагическом в искусстве, о комическом в искусстве, писал длинные замечания на мои сочинения, заставлял меня возражать на его возражения», — вспоминала впоследствии Татаринова, упрекая своего учителя за систему преподавания и «эстетизм». «О каждой комедии своего брата он говорил: «Тут поднят глубокий вопрос, в это надо вникнуть», — писала она пронычески. В «Воспоминаниях» о Добролюбове она приводит разговор с ним о М. Н. Островском. В ответ на ее высказывания о характере М. Н. Островского Добролюбов сказал: «... а мне кажется, что у Михаила Николаевича, напротив, сердце очень нежное. Мы как-то говорили с ним о его брате, он не шутя его русским Шекспиром считает. Это ли не братская любовь?»¹⁹

М. Н. Островский был близок со многими литераторами. Дружил с Анненковым, был в хороших отношениях с издателем «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичем. Тургенев посылал ему свои новые произведения и интересовался его мнением о них (письмо М. Н. Островского 24 июня 1864 г.).

С полным основанием писал впоследствии Михаил Николаевич: «Я не принадлежу к числу литераторов, но с гордостью могу сказать, что не считая себя чуждым литературной семье, благодаря тому месту, которое занимал в ней мой покойный брат»²⁰.

Не будучи литератором, он оказывал помощь многим писателям, исполняя в 60-х годах общественную должность председателя и докладчика ревизионной комиссии Литературного фонда. Занимая в то время уже довольно высокий служебный пост, М. Н. Островский с большим усердием выполнял эту скромную работу, доверенную ему Обществом. В серьезном отношении к своим обязанностям проявлялось его желание послужить литературе.

О Михаиле Николаевиче друзья говорили, что по «добросовестному исполнению долга» не знали человека выше его. Это касалось не только службы, но и отношения к родным.

В 1853 г., узнав о смерти отца, он пишет Александру Николаевичу: «Я приложу все силы, чтобы добросовестно выполнить семейный долг, который налагает на всех нас смерть папеньки» (письмо 11 марта 1853 г.). Без преувеличения можно сказать, что долг по отношению к братьям он выполнял безукоризненно.

В 1868 г. умер брат Сергей Николаевич, оставив необеспеченную семью. Все заботы о его семье Михаил Николаевич взял на себя. Он опекал всех своих братьев, оказывая им самую разнообразную помощь, всегда охотно откликался на их просьбы. Но особенно много внимания уделял старшему брату, которого глубоко любил и ценил как писателя.

Сейчас, когда имя этого некогда влиятельного сановника вспоминается лишь в связи с именем великого драматурга, странно читать, что многое из того, что получил Островский от правительства: литературные премии, пенсию, должность заведующего репертуаром московских театров, было получено им при содействии брата-министра.

Братья Островские рано лишились материальной поддержки отца. Михаил Николаевич смолоду привык зависеть от себя и самостоятельно пробиваться на жизненном пути своим трудом, упорством и усердием. Но в молодости, живя в Симбирске и первые годы в Петербурге, он иногда обращался к брату с просьбами о деньгах,

и Александр Николаевич периодически посылал младшему брату его долю наследства.

Петербургская жизнь молодого чиновника требовала больших расходов, а служба вначале «не обеспечивала настоящего», как он писал брату в 1856 г., жалуясь на нужду и на то, что занят только «своей службой», «которая пока больше льстит<...> самолюбию, нежели карману». В одном из особенно затруднительных случаев он даже хотел перевести свою часть имения в деньги, но, поняв, что брату это было бы тяжело, уже в 1857 г. после того, как они выделили младшего брата Сергея и отдали ему часть имения, написал Александру Николаевичу: «Я делиться пока не желаю, а потому владей по-прежнему нашей общей частью, высылай мне когда и что сможешь».

Самое большое из имений, которое приобрел их отец, — Щельково — Александр Николаевич полюбил в первый же свой приезд туда. Природа Щелькова вдохновила драматурга на создание «Снегурочки». Здесь отдыхал он от городской жизни, сюда приезжали близкие его друзья. Щельково давало покой, отдых. И в том, что у Островского было Щельково, — большая заслуга Михаила Николаевича.

Публикуемые письма дают обширный материал по истории приобретения Щелькова.

После смерти отца имение унаследовала мачеха А. Н. и М. Н. Островских — Эмилия Андреевна. В ее руках имение пришло в запустение, и братья решили выкупить его у мачехи. Осуществили они это желание в конце 60-х годов, когда М. Н. Островский занимал уже солидный государственный пост и получал большое жалованье. На его деньги (точнее на деньги, взятые им взаймы, так как такой суммы у него не было) оно и было приобретено за 8 тысяч рублей: в январе 1869 г. он послал мачехе 6 тысяч рублей за Щельково, остальные должен был вернуть позднее (письма 23 апреля, 30 апреля, 10 июня и 1 августа 1868 г., 24 марта 1869 г. и др.).

В первые годы после приобретения Щелькова Островский посылал брату деньги, выплачивая свой долг. Но постепенно, по мере того, как жалованье Михаила Николаевича увеличивалось, он не только не брал у брата долг, но и сам посылал ему довольно крупные суммы «на Щельково»; радовался, что Александр Николаевич усердно занимается Щельковым и выражал надежду, что «деревенская жизнь и хозяйственные занятия» укрепят его здоровье.

«Мы с братом купили у мачехи наше великолепное Щельково; вот мне приют, я буду иметь возможность заняться скромным хозяйством и бросить, наконец, свои изнуряющие драматические труды, на которые я убил бесплодно лучшие годы своей жизни», — писал Островский Ф. А. Бурдину около 10 сентября 1867 г. (XIV, 157—158).

Сам Михаил Николаевич приезжал в Щельково не очень часто и на короткое время. Его забота о благоустройстве Щелькова — это, прежде всего, забота о брате, о том, чтобы у него были благоприятные условия жизни, условия для творчества, «приют».

Помощь М. Н. Островского брату выражалась не только в материальной поддержке. Более значительным было содействие в делах театральных.

Все, что нам известно об этом из других источников, подтверждают публикуемые письма.

Мы знаем, что в жизни драматурга были периоды, когда запрещение его пьес, театральные интриги, хроническое безденежье приводили к отчаянию и вызывали мысль бросить театр, перестать писать. И тогда брат старался ободрить его, убеждая, что он не должен оставлять театр, что произведения его любимы и сам он нужен России, что он не может из-за какого-то «комитета» (имеется в виду Театрально-литературный комитет) лишать публику эстетического наслаждения.

После отказа театральной дирекции ставить в Петербурге «Минина» М. Н. Островский писал брату: «Не следует отказываться от исполнения своего долга в отношении общества, налагаемого на человека талантом, данным от бога».

Островский и сам обращался к брату с просьбой взять его с собой в его служебные поездки по Крыму или Кавказу. Михаил Николаевич с радостью отзывался на его просьбы. Описывал все удобства, какие он может ему предоставить, соблазняя пре-

красными местами, которые они посетят, выражая надежду, что путешествие принесет брату пользу. Действительно, мы знаем из писем Островского к жене, сколько радости доставило ему путешествие по Кавказу.

К Михаилу Николаевичу, как к «секретарю» драматурга, обращались по всем вопросам, связанным с изданием его пьес, постановок их на петербургской сцене. Когда Некрасову или Салтыкову-Щедрину нужна была пьеса Островского для очередного номера журнала, они обращались к Михаилу Николаевичу, и он доставлял редактору пьесу, предварительно отдав ее переписать, а иногда и сам переписывал целые акты. Когда актриса хотела получить пьесу Островского для своего бенефиса, она тоже обращалась к Михаилу Николаевичу, — и он хлопотал о пьесе для ее бенефиса; даже издатели, когда им нужна была фотография драматурга для книги, обращались не к нему самому, а к Михаилу Николаевичу, который живо откликался на все их просьбы, так как с предельным вниманием относился к нуждам брата, живя его театральными интересами.

Он гордился успехами брата и посещал все премьеры его пьес. Михаил Николаевич так подробно описывал игру актров, что некоторые его письма могут служить материалом при реконструкции спектакля. Он давал указания и советы актерам, ходил на репетиции пьес, а потом писал Островскому письма-отчеты о спектаклях, которые читаются теперь как подробные рецензии (см. письма 11 сентября 1854 г., 13 октября 1855 г., 18 октября 1864 г., 10 мая, 4 ноября и 10 декабря 1866 г., 3 ноября 1871 г., 9 декабря 1875 г. и др.).

Михаил Николаевич помогал Артистическому кружку, защищая его интересы, занимался юбилейным Шекспировским комитетом, предлагал помощь и свои услуги, когда узнал, что Александр Николаевич задумал выпускать «Драматический вестник».

Много усилий приложил М. Н. Островский, добиваясь в течение нескольких лет пенсии для брата, но и он долгое время не мог добиться положительного результата. Островский получил ее только в 1884 г., когда ему было уже более шестидесяти лет.

Сознание, что даже получением пенсии он обязан брату, уязвляло самолюбие драматурга.

Особенно большую поддержку оказал М. Н. Островский брату в последние годы его жизни, когда, угнетенный несправедливым отношением театральной дирекции к нему лично и ее равнодушием к судьбе театрального искусства, Александр Николаевич предпринимал попытки войти в театральное управление для осуществления своих проектов по преобразованию театрального дела (см. об этом статью А. И. Ревякина во второй книге настоящ. тома).

Но, разумеется, самая большая заслуга М. Н. Островского перед великим драматургом и русской культурой состоит в том, что в значительной степени благодаря его содействию многие пьесы Островского появились на сцене еще при жизни автора и с теми исполнителями, которых наставлял он сам.

По словам Островского, «все наши лучшие пьесы («Ябеда», «Горе от ума», «Ревизор») прошли на сцену только благодаря «особым счастливым обстоятельствам», вопреки «вредной» и «гибельной» роли цензуры» (XII, 15).

Забота и помощь Михаила Николаевича и были для драматурга именно таким «счастливым обстоятельством».

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Гос. Исторический архив Московской области, ф. 418, оп. 13, ед. хр. 109, 83, стр. 1, 76, 78, 121.

² Напечатано полностью в сб. «Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи». Под ред. М. Д. Беляева. М. — Пг., 1924, стр. 269.

³ Гос. Исторический архив г. Ленинграда, ф. 381, оп. 43, д. 12139.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 496, оп. 1, ед. хр. 9 (запись 25 мая 1852 г.).

⁵ Там же, оп. 1, ед. хр. 10 («Воспоминания», ч. 2).

⁶ Гос. Исторический архив г. Ленинграда, ф. 381, оп. 43, д. 12139.

⁷ «Правительственный вестник», 1901, № 178.

⁸ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 312.

⁹ Указ. изд., стр. 263—264.

¹⁰ «Вы, конечно, помните, что в прошлом году я написал три сказки, которые были напечатаны в февральской книжке и потом оттуда вынуты. Признаюсь, мне было очень жаль этих сказок и поэтому я воспользовался приездом А. Н. Островского, чтобы возбудить вопрос об них. Островский взял у меня сказки и дал прочесть брату. Сегодня он был у меня и сообщил, что брат поручил ему передать мне, чтоб я смело печатал их в январской книжке и что он ручается, что никаких неприятностей за это для «Отечественных записок» не будет. На мой вопрос, что Феоктистов может сделать неприятность и помимо Островского, Александр Николаевич сказал мне, что брат его находится с Феоктистовым в постоянных сношениях и что ежели он ручается, то, стало быть, знает, что так и будет» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIX. М., ГИХЛ, 1939, стр. 378).

¹¹ Письмо Елисееву 1 января 1883 г. — Там же, стр. 312—313.

¹² Там же, стр. 322.

¹³ «Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи», стр. 252—253. Статьи И. Л. Леонтьева-Щеглова: 1) «Замечательный, но совершенно неизвестный критик» (из записной книжки); 2) «Островский и Теляковский» были напечатаны в газ. «Слово», 1907, № 48, 14 января.

¹⁴ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. VI. М., ГИХЛ, 1939, стр. 479—480.

¹⁵ ГПБ, 1947, 105/2.

¹⁶ «Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи», стр. 246—248.

¹⁷ ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 1585.

¹⁸ Н. А. Татаринова. Воспоминания. — ЦГАЛИ, ф. 496, оп. 1, ед. хр. 9, стр. 59.

¹⁹ Там же, стр. 128.

²⁰ Речь М. Н. Островского на юбилее А. Н. Майкова 30 апреля 1888 г. — «Пантеон литературы» (СПб.), 1888, № 6, стр. 12—13.

1

Симбирск. 10 сентября <1852 г.>

Здравствуй, любезный Саша! Как ты поживаешь? Мне папенька писал, что ты хочешь поступить в Опекунский Совет, поступил ли ты, или нет? ¹ Я живу по-прежнему, служба меня не тяготит, хотя занятий и немало. Ты интересовался узнать, что говорил Гончаров о твоей комедии, правда, он и мне говорил более в общих выражениях, но между тем указывал на знание русского языка и сердца русского человека и на искусное введение в комедию драматического элемента ². Здесь я хорошо познакомился с известным тебе Юрием Самариним, который стал моим товарищем: чиновником особ^{ых} поручений у князя, и подробности о котором узнаешь из письма моего Эдельсону.

Между тем наступает холодное время и в Симбирске скоро начнутся балы, на которые непременно должно будет ездить, а потому я имею теперь нужду в некоторых вещах, которые прошу тебя потрудиться купить на прилагаемые при сем деньги и выслать мне как можно скорее. Купи, пожалуйста, 6 пар белых перчаток мерою № 71/2, 1 пару черных и 1 пару цветных, какую знаешь, мерою обе № 73/4. Купи, где сочтешь лучше: у Юнкера или в *Magazin de Paris*. Еще купи, пожалуйста, у Дюлу шляпу по прилагаемой при сем мерке, постарайся, чтобы она была не более этой мерки, и пришли или сам, или поручи Дюлу выслать. Все это будет стоить: перчатки 12 р. с., шляпа 5 р. с., итого 17 р., на пересылку, я думаю, не более 1 р. с.; если же более, то напиши и я тебе вышлю.

Симбирск такой город, где ничего этого достать нет никакой возможности; вышли же сделай милость поскорее, чем премного обяжешь.

Любящий тебя брат М. Островский

Р. S. Передай письмо Эдельсону и поклонись всем нашим знакомым.

¹ Островский не служил в Опекунском совете. Как известно, 10 января 1851 г. он прекратил службу в Коммерческом суде и с этого времени целиком отдался литературно-театральной деятельности.

² Имеется в виду комедия «Свои люди — сочтемся!».

М. Н. ОСТРОВСКИЙ

Фотография, 1880-е гг.

Центральный театральный музей, Москва

2

С. Петербург. 12 июля 1854 г.

Мне очень неприятно было, любезный Саша, узнать, что ты как будто обиделся выражениями письма моего. Вот этого я уж никак не ожидал, да и не могу представить: как можно обидеться словами человека, в братской любви которого ты сомневаться не имел никакой причины, который тебе оказывал всегда полную доверенность и с языка которого *в одну из очень неприятных минут его жизни* сорвалось резкое слово! Впрочем, во всяком случае виноват я, прошу у тебя извинения и впредь буду осторожнее¹.

Ты упоминаешь о своей поездке² и своей комедии³, но не сообщаясь решительно никаких подробностей ни об той ни об другой, между тем, как и та и другая меня интересует, тем более, что я, живя так близко от брата, так мало знаю об нем. Что касается до меня, то служба моя идет хорошо: с директором канцелярии я в прекрасных отношениях, не только служебных, но и общественных, — бываю у него, как и он у меня. Кроме того, будучи производителем дел назначенной по контролю Комис-

сии, я коротко сошелся с председателем ее Дурново, очень важным человеком, который постоянно приглашает меня к себе на великолепную дачу, обедать; члены Комиссии в прекрасных со мной отношениях и вполне полагаются на то, что я напишу и сделаю. Все это очень хорошо и много обещает мне в будущем; а если я скоро получу достаточное количество денег, чтобы выйти из того критического положения, в которое поставил меня мой долг казне и заплатить часть долга, лежащего на мне гнетом в Петербурге, — то я могу быть вполне доволен своим положением, которое с каждым годом должно более и более улучшаться.

Поблагодари от меня Агафью Ивановну за участие, которое она принимала в высылке книг и вещей и за присылку мне билета на получение их; в одном из карманов шинели я нашел писанный рукою Евгения Николаевича конец рецензии на «Отечественные записки», где помещен разбор новых изданий комедии Грибоедова «Горе от ума»⁴, и обрадовался этому клочку бумаги, как старому приятелю — что-то поделиваются Евг(ений) Николаевич и Филиппов? На одном из обедов, где собрались несколько молодых людей, один господин, говоря о Москве, упомянул фамилию Филиппова и начал рассказывать про него очень нехорошие вещи, уверяя, что знает это из самых достоверных источников, — между прочим он говорил, что Филиппов, живя у Погодина, имел целью жениться на дочери его, так как она богатая невеста, и даже сватался, но ему отказали⁵. Я, не зная, есть ли у Погодина дочь или нет, но будучи уверен в самой безукоризненной правдивости Филиппова, счел обязанностью заступиться за него и сказал этому господину, что считаю его слова за ложь и прошу его или замолчать, или объявить их достоверные источники, на которых он основывается. После чего господин замолчал.

Новое издание Пушкина, предпринятое Анненковым, скоро поступит в печать; скольким мятарствам подвергался бедный Пушкин в когтях нашей цензуры, как его урезывали немилосердно, — Анненков протестовал, подавал докладные записки министру, происходили разные истории и, наконец, благодаря сильной протекции, Анненков в большей части случаев восторжествовал⁶. На днях пойдет все это на утверждение государя и затем начнет печататься. Здесь, между прочим, случались различные обстоятельства, которые характеризуют нашу цензуру, так, например, когда Анненков подал докладную записку, где очень умеренно защищался против нападения цензора, то цензор (Фрейганг)⁷ обиделся, и один из товарищей его, цензор Бекетов⁸, с которым я очень коротко знаком, серьезно рассказывал мне, что они рассуждали в Цензурном комитете: не посадить ли Анненкова за это в крепость?

Когда же я спросил: какое право они имеют сажать кого-либо в крепость и какая вина Анненкова? — то он очень важно отвечал, что *цензор есть правительство* и потому обидеть цензора значит обидеть правительство. Вот уж до чего дошло! Кажется дальше идти некуда! А вот тебе черта, показывающая отсутствие всякой системы в цензуре: та сцена из «Бориса Годунова», которая была помещена в «Москвитянине» нынешнего года (хотя в искаженном виде), была запрещена здесь цензурой, когда Анненков хотел поместить ее в новом издании Пушкина. Тот Бекетов, о котором я упомянул выше, очень добрый человек и один из лучших цензоров; когда я приезжаю к нему, то он вместо любезности хозяина, всегда говорит мне, что «не пропускает те статьи, где бранят твои комедии». Когда же я спросил: почему он не пропускает, то он отвечал: «я знаю, что теперь никто лучше вашего брата не пишет, так пропускать брань на его произведения было бы противу моих убеждений». Все это, положим, очень любезно, но основанием всему этому служит страшный произвол, выходящий из всяких границ и прикрываемый словами «противу моих убеждений».

Новостей в политическом мире нет никаких; недавно говорили о неизбежной войне с Австрией, и гвардейский корпус был назначен 15 июля к выступлению в Варшаву, а теперь говорят почти наверно о мире с Австрией и выступление гвардии отложено.

В Петербурге пыль, жар и духота; на островах и дачах всюду музыка и гулянье, но я сижу все дома и занимаюсь делом.

Прощай, любезный Саша, надеюсь, что ты не захочешь меня огорчить и позабудешь резкость моих писем. Поклонись Агафье Ивановне и нашим общим знакомым.

Твой брат М. Островский

¹ Вероятно, письмо 6 июля 1854 г., которое не вошло в настоящую публикацию. В нем есть такие строки: «В письмах твоих от конца мая ты просил подождать с месяц и обещал прислать денег; это обещание осталось также неисполненным, как и все другие, ему предшествовавшие <...> Я, ей богу, не знаю, что и подумать. Зачем делать обещания и не исполнять? Гораздо лучше ничего не обещать или, обещая, так уж исполнять и не ставить человека в положения самые неприятные, которые встречаются в жизни, не заставляя брата, противу воли, пенять в беде своей на холодность брата к его интересам...».

В письмах Михаила Николаевича встречаются слова о «долге казне». Очевидно, служа в Симбирске, он взял в банке ссуду, которую не мог выплатить в срок. Этот долг его мучил, и он часто обращался к старшему брату с просьбой выслать деньги, причитающиеся ему по завещанию. Но Островский, испытывая в эти годы постоянную нужду, не всегда имел возможность аккуратно посылать брату его долю.

² В 1854 г. Островский никуда не выезжал и других свидетельств, кроме этого письма, о его предполагаемой поездке нет.

³ Речь здесь может идти об одной из двух пьес: «Бедность не порок» (1854) или «Не так живи, как хочется» (1855).

⁴ В апрельском номере «Отечественных записок» 1854 г., в разделе «Критика», напечатана статья «Горе от ума» комедия А. С. Грибоедова. Четыре новые издания». Фамилия автора статьи не указана.

Репензии Эдельсона на эту статью нам найти не удалось, и мы не знаем, была ли она напечатана.

⁵ Т. И. Филиппов не женился на дочери Погодина.

⁶ Брат П. В. Анненкова — генерал-адъютант, член Государственного Совета, был председателем так называемого «Комитета 2 апреля» (по надзору за печатью).

⁷ Андрей Иванович Фрейганг (1805 — ?) — цензор Петербургского цензурного комитета.

⁸ Владимир Николаевич Бекетов (1809—1883) — петербургский цензор с 1853 по 1863 г.

3

С. Петербург. 11 сентября 1854 г.

Ну, любезный Саша, поздравляю тебя! Третьего дня в бенефис Яблочкина давали «Бедность не порок», которая имела успех¹. Обставлена она так, как только может быть обставлена на петербургской сцене; что же касается до игры актеров, то вот мое мнение. Вообще во всех, кроме Бурдина, заметно было подражание, а в некоторых — чистое копирование московских актеров; Самойлов в роли Любима Торцова был невыносимо дурен, особенно в сравнении с Садовским: у него из этого серьезного типа вышел скоморох, постоянно пляшущий и выкидывающий колена, что, впрочем, петербургской публике очень нравилось, некоторые же с более развитым художественным смыслом подходили ко мне в театре (где как нарочно собралось множество моих знакомых) и в недоумении спрашивали меня: неужели автор хотел выразить этим лицом то, что представлял Самойлов? Я от твоего имени заверял их, что автору очень грустно было бы видеть подобное искажение своей мысли. Одно место, которое было недурно, это то, где он говорит: «назябся я, наголодался я» и т. д. и то потому, что Самойлов копировал здесь Прова Михайловича до последних подробностей. Зато Бурдин был несравненно выше Самарина,

естественно, просто, чисто по-русски, словом, игра Бурдина была бы безукоризненна, если бы в последнем действии он не утрировал, чересчур плача и приходя в отчаяние, — зато первый акт был сыгран прекрасно, и он его решительно вынес на своих плечах, Григорьев (Гордей Карпыч) был недурен, но как-то в нем мало было видно купца! Мартынов, по моему мнению, будет играть эту роль превосходно²; видно, что он понял ее и усвоил, но то место, где Любовь Гордеевна спрашивает его: любила ли его первая жена? было недостаточно оттенено, т. е. неясно выказалось то мгновенное ощущение, которое, как я понимаю, завладев им, заставило его выйти на минуту из принятой на себя роли. Впрочем, быть может, я на этот счет и ошибаюсь, но во всяком случае я думаю, что в следующий раз он будет играть эту роль безукоризненно-хорошо. Линская в роли Пелагеи Егоровны, была, по моему мнению, так же хороша, как Львова-Синецкая, и заметно ее копировала; Орлова же (Анна Ивановна) была в некоторых местах лучше, в некоторых местах хуже Косицкой; лучше потому, что в ней не было нисколько манерности, и эти слова: «известное дело, кому что нужно, тот о том и думает, парни о девках и т. д.» были сказаны превосходно, без тех ужимок, с которыми говорила это Косицкая; зато, с другой стороны, это лицо вышло у ней недостаточно типично, прошло почти незамеченным, словом, зритель не вынес его с собой из театра; Климовский играл лучше, чем в Москве; Марковецкий же, хотя заметно копировал Васильева, но ломался без всякого милосердия, что, впрочем, очень нравилось публике. Маша и Лиза остались совершенно незамеченными. Что касается до музыки, то трудно, слышавши раз, сравнить ее с тем, что почти уже вышло из памяти, и потому я отказываюсь сравнивать с музыкой Дюбюка, хотя не могу не заметить, что песня «Нет-то злей, постылее», сколько я помню у Ал. Ив-ча вышла гораздо лучше, чем у Кожиньского, который чересчур уже переполнил ее эффектами, хотя сумел сохранить русский характер. Песня, которую поет Гуслин на вечере с припевом хора «Слава», очень понравилась и была повторена. Вообще самый хор и больше и лучше московского. Постановка самая пьесы: расположение актеров, расстановка мебели, подробности святочного вечера и проч. были здесь лучше, удобнее, стильнее, нежели в Москве. При всем том должного ансамбля не было, как всегда случается в первое представление. Во время самого действия вызывали два раза Самойлова и раз Бурдина, а после актов вызывали их же, Читау и наконец всех. Совсем, было, забыл сказать про Читау, которая вообще была хороша, но в некоторых местах прекрасна (например, в начале 2-го акта в сцене с Митей), зато под конец, не знаю с какой целью, начала говорить нараспев и страшно тянуть слова. Во время спектакля нарочно приходили спрашивать меня: здесь ли ты, потому что хотели тебя вызывать! Вот все, что я хотел и могу сказать тебе про первое представление твоей комедии; напиши мне, как мне поступить относительно следуемой тебе платы: хотя у меня и есть от тебя доверенность, но я думаю, что тебе следует особо написать в Контору. Да скоро ли ты пришлешь обещанные тобой деньги: мне их нужно, и я жду с нетерпением.

Новости политические, как ты, вероятно, знаешь, то, что англичане и французы высадились близ Севастополя³, о чем нынче напечатано в «Прибавлении»; нынче же еще прискакали два фельдъегеря с известиями, которые еще не известны, но они привезли частные письма, в которых пишут, что Меншиков, имея у себя только 28 батальонов, отступает, и что к нему на соединение спешит Хомутов со своими войсками, находившийся на берегах Азовского моря; кроме того, двигаются войска с Дуная, которым на случай нужды заготовлены подводы. Что-то будет! Гвардия вся выступает к западным границам; говорят, что Паскевич опять

назначен главнокомандующим, и ожидают, что мы начнем серьезную, зимнюю кампанию, когда зима своими льдами обезопасит наши берега.

Прощай, любезный Саша, пиши поскорее. Петя⁴ уже поступил в инженерное училище и бывает у меня каждый праздник.

Р. С. Поклонись Агафье Ивановне и Эдельсонам.

Твой брат М. Островский

¹ Пьеса «Бедность не порок» впервые напечатана в Москве в 1854 г. отдельным изданием, а не в журнале «Москвитин», как все предыдущие произведения Островского. Драматическая цензура разрешила пьесу к представлению на сцене 18 декабря 1853 г. и вскоре состоялась премьера ее в Малом театре (25 января 1854 г.). Так как М. Н. Островский дает подробную характеристику актеров Александринского театра и сравнивает их с участниками премьеры Малого театра, мы перечисляем исполнителей московского и петербургского театров. Спектакль, о котором пишет брат драматурга, состоялся 8 сентября 1854 г. в бенефис режиссера А. А. Яблочкина. В Малом театре роли исполняли: Любим Торцов — П. М. Садовский, Митя — И. В. Самарин, Любовь Гордеевна — А. В. Воронова, Егорушка — воспитанник Садовский, Разлюляев — С. В. Васильев, Анна Ивановна — Л. П. Никулина-Косицкая, Коршунов — М. С. Щепкин, Пелагея Егоровна — М. Л. Орлова-Сенецкая, Арина — С. П. Акимов, Гордей Торцов — П. Г. Степанов, Яша Гуслин — Е. И. Климовский, Маша — Н. Н. Никифорова, Лиза — А. И. Колосова.

В спектакле Александринского театра, о котором пишет М. Н. Островский, роли исполняли: Любим Торцов — В. В. Самойлов, Митя — Ф. А. Бурдин, Любовь Гордеевна — А. М. Читау, Пелагея Егоровна — Ю. Н. Линская, Гордей Торцов — П. Г. Григорьев 2-й, Яша Гуслин — Е. И. Климовский, Разлюляев — С. Я. Марковецкий, Анна Ивановна — П. И. Орлова, Арина — П. К. Громова, Маша — А. П. Натарова, Лиза — Каратыгина и другие.

Несмотря на то, что Островский актерам петербургского театра помогал письменными советами и во время приездов в Петербург читал актерам пьесу по ролям, спектакль Александринского театра был слабее спектакля Малого театра.

² А. Е. Мартынов исполнял не роль Гордея Торцова, а роль Коршунова.

³ М. Н. Островский пишет брату о событиях Крымской войны 1853—1856 гг.

⁴ П. Н. Островский — см. о нем стр. 93 настоящ. кн.

4

С. Петербург. 29 сентября (1854 г.)

Благодарю тебя, любезный Саша, за деньги; ты пишешь, чтобы я не имел дела с театральной конторой, насчет перспективной платы за твою комедию; но «Бедность не порок» давали здесь уже 4 раза и, вероятно, тебе придется получить порядочную сумму денег — нельзя ли мне получить из них взаймы хоть 75 р. сер., которые мне необходимы, чтобы составить 100 р. и послать в Симбирск, пока с меня оттуда еще не требуют. Эти деньги ты можешь себе удерживать из моей части дохода; тогда я буду в состоянии перебиваться как-нибудь и без денег, а теперь мне они *необходимы дозарезу*, и, как ты видишь, вовсе не для моих собственных издержек. Ради бога пришли мне об этом ответ с *первой же почтой*: мне необходимо послать их в первых числах октября.

Очень рад, что ты оканчиваешь новую пьесу¹; я знаю, что в Москве цензура снисходительнее петербургской, но если ты встретишь какое-нибудь затруднение, то приезжай в Петербург; здесь у меня приятель один из цензоров, который вместе с тем племянник попечителя округа Пушкина, а, следовательно, мы можем иметь через него влияние и на Пушкина. Вообще мне бы очень хотелось, чтобы ты приехал сюда поскорее; ты бы остановился у меня, жизнь тебе ничего бы не стоила, а, главное, ты бы посмотрел Самойлова² в роли Любима Торцова. Мне бы очень хотелось знать твое мнение, потому что здесь все от него в восторге: сравнивают его с Тальмой³, с Кином и уж бог знает с кем не сравнивают; мое же мнение ты знаешь из письма. Что касается до подражания московским актерам, то я не знаю, каким образом это могло случиться, но, по моему мнению, многие из них действительно подражают, особенно же Марко-

вецкий. Во второе представление фурор был страшный, тебя вызывали неистовым образом и, наконец, Бурдин принужден был выйти на сцену и объявить, что автора нет в Петербурге; что было в третий и четвертый раз, я не знаю. Отчего ее не дают более, постараюсь узнать.

Жду от тебя ответа *с первой почтой*; пожалуйста, выручи из беды, да пиши также, когда думаешь приехать?

Поклонись Агафье Ивановне и нашим общим знакомым.

Любящий брат М. Островский

Р. С. Введены ли мы во владение и если введены, то напиши мне, в каком уезде у нас имение и сколько считается душ, и также, как значатся в акте наши флигеля в Москве: домами или флигелями? Все это мне нужно, чтобы внести в формулярный список.

М. О.

¹ Имеется в виду пьеса «Не так живи, как хочется», которую Островский закончил в ноябре 1854 г. Первоначально она называлась «Божье крепко, а вражье легко: масленица». 3 декабря 1854 г. в бенефис артиста К. Н. Полтавца в Малом театре состоялась премьера пьесы. В 1855 г. она была напечатана в «Москвитянине» (№ 17) — это последняя пьеса Островского, напечатанная в этом журнале.

² Василий Васильевич Самойлов (1813—1887) — артист Александринского театра (1835—1875). См. письмо 11 сентября 1854 г.

³ Франсуа Жозеф Тальма (1763—1826) — великий французский трагический актер. Эдмунд Кин (1787—1833) — великий английский актер, представитель школы сценического романтизма, противник классицизма. Обладал ярким сценическим темпераментом. Говоря о том, что В. В. Самойлова сравнивают с такими полярными по характеру дарования актерами, как Тальма и Кин, М. Н. Островский, которому Самойлов очень не понравился в роли Любима Торцова, подчеркивает несуразность этих сравнений.

5

С. Петербург. 15 ноября 1854 г.

Спешу уведомить тебя, любезный Саша, что из с.-петербургской конторы послано более двух недель тому назад отношение в московскую контору о выдаче тебе денег, — а потому ты теперь, конечно, можешь их получить. С нетерпением жду присылки обещанных тобой 75 р., которые нужны мне теперь дозарезу.

На днях в бенефис Орловой давали комедию Лажечникова «Окопировался»¹, которая пала самым положительным образом. Вчера Бурдин должен был читать твою комедию: «Свои люди — сочтемся» у статс-секретаря Буткова, также он надеется читать и у других важных лиц, думая, что авось либо ее и позволят сыграть, — но я, зная, как цензура смотрит на эту комедию, не имею никакой надежды². Бурдин также думает хлопотать о «Лабазнике»³, которого ему хочется дать в свой бенефис.

Собираешься ли ты в Петербург (что тебе не мешало бы сделать ради твоей новой драмы), — если же собираешься, то предупреди меня заранее, чтобы я мог встретить тебя с человеком на дебаркадере, потому что я очень хорошо знаю, как неприятно возиться с вещами и самому отыскивать квартиру в незнакомом городе.

Прощай, поклонись всем нашим знакомым.

Любящий брат М. Островский

¹ Драматические произведения И. И. Лажечникова: трагедия «Опричник», комедия-водевиль «Окопировался», драма «Горбун», трагедия «Матери-соперницы» были значительно слабее его исторических романов, но почти все шли в столичных театрах. «Окопировался» был поставлен в 1854 г. на сцене Александринского и Малого театров.

² Комедия «Свои люди — сочтемся!», написанная в 1849 г., как известно, до 1860 г. была запрещена к исполнению на сцене. Но и сам Островский, и его друг Бурдин читали пьесу во многих частных домах Москвы и Петербурга.

³ «Купец-лабазник, или Выгодная женитьба» — комедия М. Н. Владыкина — была запрещена цензурой и напечатана только в 1880 г.

ОСТРОВСКИЙ

Фотография С. Л. Левицкого. Париж, 1862

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

6

С. Петербург. 13 октября 1855 г.

Получил я посланные тобою, любезный брат Саша, 25 р., за которые и благодарю. Кончай скорее комедию и приезжай в Петербург, здесь все твои знакомые ждут тебя с нетерпением...

В бенефис Бурдина давали твою пьесу «Сцены семейного счастья»¹, которая была разыграна довольно удовлетворительно и понравилась публике. Изменена она была цензурой немного: вместо «поездки в Симонов монастырь» фигурировала поездка «к тетушке», хватъ похватъ и фраза «насчет телесного сложения» выброшена. Сами актеры заменили в рассказе Ширялова слово «ахтриса» словом «азноба» вследствие шума, который подняли на генеральной репетиции играющие в пьесе актрисы, вступившись за свою честь.

По моему мнению, при разыгрывании этой пьески на театре следует вовсе выбросить последний выход женщин, который, измененный цензурой, не производит никакого эффекта и только ослабляет действие на публику последнего монолога Ант(ипа) Антипыча, по уходе Ширялова.

«Ипохондрика» Писемского², немного измененного для сцены самим автором, разыгрывают чрезвычайно добросовестно; Мартынов, по моему мнению, безукоризненный ипохондрик, придавший своей роли гораздо более значения, нежели она имеет в пьесе.

Затем прощай, любезный Саша, будь здоров, поклонись всем нашим общим знакомым и приезжай скорее к нам в Питер.

Брат твой М. Островский

¹ Имеется в виду пьеса «Семейная картина», которая первоначально называлась «Картина семейного счастья» — первая пьеса Островского. Она была написана в 1847 г. и в том же году опубликована в «Московском городском листке», 14 февраля 1847 г., когда он прочел ее в кругу крупных ученых и литераторов, вызвав восторженные оценки своего первого драматического опыта. Островский считал началом своей литературной деятельности. «Самый памятный для меня день в моей жизни: 14 февраля 1847 года <...>. С этого дня я стал считать себя русским писателем и уже без сомнений и колебаний поверил в свое призвание», — писал он в 1885 г. (XIII, 302).

Однако драматическая цензура пьесе на сцену не пропустила. Только в сентябре 1855 г. Бурдину удалось добиться разрешения ее поставить для своего бенефиса. 30 октября 1855 г. состоялась премьера «Картины семейного счастья» в Александринском театре с купюрами, о которых пишет М. Н. Островский. В 1856 г. под новым названием «Семейная картина» с некоторыми изменениями пьеса была напечатана в «Современнике».

² «Ипохондрик», первая комедия А. Ф. Писемского, была написана в 1852 г., поставлена в 1855 г. в Александринском театре (на сцене Михайловского театра). Главную роль исполнял А. Е. Мартынов.

7

С. Петербург. 8 сентября 1856 г.

Вчера, любезный Саша, встретил я Ив. Ив. Панаева, который просил меня передать тебе, что он писал тебе два раза в Калазин (вероятно, по твоём отъезде), но не получил от тебя ответа, и что он с нетерпением ждет обещанной тобою для «Современника» статьи; так как он рассчитывает на нее для октябрьской книжки, в которой ему, кроме нее, поместить нечего...¹

При нынешней книжке «Современника» редакция разослала в губернии объявления о том, что ты и К^о принимаете исключительное участие в «Современнике» и нигде, кроме его, помещать своих статей не будете, добавив, впрочем, что каждый из вас должен по одной статье в другие журналы (не указывая точно в какие). Кстати: что твой «Минин», подвигается ли он? И вообще, в каких ты отношениях к редакции «Русской Беседы»?²

Не может ли Филиппов прислать мне как редактор десять экземпляров издаваемого им журнала, если не по старой приязни, то имея в виду будущие денежные с тобою расчеты за твою драму, а мы с тобою сочлись бы при первом получении мною от тебя денег... Досадно и совестно не иметь у себя этого журнала, а из наличных денег отделать мне теперь на него 8 р. — затруднительно.

Прощай, любезный Саша, поклонись Эдельсону, Филиппову и Агафье Ивановне и пиши мне уже по новому адресу: «на углу Литейной и Стремянного переулков, дом г. Ячевского».

Я вчера переехал. Еще раз прощай и будь здоров! Что твоя нога?

Любящий тебя брат М. Островский

¹ И. И. Панаев писал Островскому 11 августа, 30 августа и 7 сентября 1856 г. в Калязин, где Островский находился из-за того, что сломал ногу во время литературной экспедиции по приволжским городам. 18 июля 1856 г. Островский сообщал Некрасову из Калязина: «Тарантасом расшибло мне ногу и вот уже полторы недели я лежу без движения. Положение больного в отдаленном уездном городе — это ужас» (XIV, 55).

На письмо Островского вместо находившегося за границей Некрасова отвечал Панаев, прося его поскорее выслать «рассказ» для сентябрьской книжки «Современника». Он выражает радость по поводу того, что Островский обещал в этом же году прислать для «Современника» еще два «рассказа» — «Не сошлись характерами» и «Праздничный сон — до обеда».

Однако из-за болезни Островского, комедия «Праздничный сон — до обеда» была напечатана в «Современнике» 1857, № 2, а «Не сошлись характерами» — только в 1858, № 1.

11 сентября Островский писал Панаеву: «Не отделанный рассказ («Праздничный сон — до обеда») послать я не соглашусь ни за какие сокровища, а отделать мешают мне мои страдания» (XIV, 59).

² По просьбе Островского в объявлении «Современника» в «Московских ведомостях» 1856 г. (№ 114) было сказано, что одну пьесу он передал в «Русскую беседу». В пору увлечения славянофильством (1852—1855) Островский был в дружественных отношениях с будущими членами редакции этого журнала и обещал им пьесу «Козьма Захарыч Минин, Суворук». Порвав в 1856 г. с редакцией «Русской беседы», Островский, чтобы не нарушать данного редакции слова, передает в журнал комедию «Доходное место» (которая была там напечатана в 1857, № 1), а затем систематически печатает свои пьесы в «Современнике», чем подчеркивает свои расхождения со славянофилами и, в частности, с «Русской беседой».

8

С. Петербург. 8 марта 1857 г.

Недавно, любезный Саша, получил я от Сережи письмо¹, которое тебе при сем посылаю, не зная, что мне по нему нужно делать. Напиши, пожалуйста, что ты писал Сереже и как нам всем поступить (возврати при том и посланное письмо).

Здесь много говорят у твоей новой комедии «Доходное место»². Вероятно, ты выговорил у редакции «Русской беседы» право на несколько отдельных оттисков: пришли, пожалуйста, мне 2—3 экземпляра, когда сам получишь... Говорят здесь также, что Кокорев³ учреждает 2 премии — по 3000 р. каждая за лучшую комедию из современной жизни и лучшую драму из древнего русского быта... Конечно, обе премии — твое прямое достояние. Что твоя драма «Минин»?⁴ Подвигается ли?

Здесь в Петербурге находится в настоящее время твой короткий приятель Кидошеников, с которым я уже познакомился и надеюсь коротко сойтись: мы с ним свои люди в родственных семействах.

Сегодня вышел № 3 «Современника», где я прочел комедию Тургенева «Чужой хлеб»⁵. Не знаю как на тебя, а на меня всякое произведение Ив. Сергеевича действует так обаятельно, что я не могу совершенно беспристрастно судить его: ведь у него так много задушевности — неуловимой и привлекательной, что нельзя сразу не полюбить и произведения и автора. Такое же впечатление произвела на меня последняя его комедия, где в лице Кузовкина высказалась вся сердечность и все добродушие автора.

Отвечай мне поскорее, любезный Саша, передай мой поклон Агафье Ивановне и общим нашим знакомым. Я слышал, что Филиппов переходит в Петербург. Когда и куда? Передай ему, что когда он приедет в Питер — пусть бы прямо ехал ко мне: у меня есть к его услугам совершенно свободная комната, где он может жить, сколько ему угодно.

Ты обещал мне выслать деньги в феврале, теперь уже март. П. В. Анненков тебе кланяется.

Любящий тебя брат М. О с т р о в с к и й

¹ Сергей Николаевич *Островский* (1829—1868) — родной брат Островских. Служил старшим ревизором в Контрольной Палате нескольких украинских городов. Умер в Харькове, оставив необеспеченными жену и детей. После смерти брата М. Н. Островский содержал его семью, а дочь Сергея Николаевича Маша воспитывалась у него. Впоследствии она вышла замуж за В. А. Шателена.

² «Доходное место» впервые опубликовано в журнале «Русская беседа», 1857, № 1. В том же году пьеса вышла отдельным изданием. 19 сентября 1857 г. драматическая цензура разрешила пьесу к представлению, сделав небольшие сокращения. Но 16 декабря 1857 г., в день назначенной в Малом театре премьеры, пьеса была запрещена для исполнения. Как видно из писем более позднего времени, М. Н. Островский прилагал много усилий, добиваясь отмены цензурного запрета. Однако разрешение к представлению на сцене «Доходного места» последовало только в 1883 г.

³ Василий Александрович *Кокорев* (1817—1889) — откупщик, миллионер. Был в приятельских отношениях со многими писателями и артистами.

⁴ Работу над пьесой «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» Островский начал еще в 1855 г., предполагая закончить ее в начале 1856 г., но закончил лишь в декабре 1861 г.

⁵ Имеется в виду пьеса И. С. Тургенева «Нахлебник», написанная в 1848 г. Тургенев написал «Нахлебника» специально для М. С. Щепкина, которому предназначал роль Кузовкина.

9

С. Петербург. 31 июля 1858 г.

Пишу тебе, любезный Саша, по поручению Александры Ивановны Шуберт¹: ты ей дал на бенефис свою пьесу «Не сошлись характерами», но она не знает — даром ты ей ее дал, или на каких-либо условиях? Сама тебе писать об этом она посовестилась и просила меня — взять на себя этот труд.

Со времени моего приезда в Петербург и до настоящей минуты я не имел возможности поймать Горбунова, который все вьется около Кушелева² в числе других паразитов, раболепствующих перед болезненным и глупым аристократом, хлопающим в театре нелепейшим его драмам и все это за то, что он их поит и кормит. Через несколько дней Кушелев куда-то уезжает, что очень опечалило было его свиту, но она успокоилась, когда узнала, что Кушелев велел без себя выдавать всем месячину. Он хотел было купить у Писемского его роман «Тысяча душ», но Писемский запросил 3 т. р., что показалось ему дорого и дело не сладилось. Кстати! Когда и каким образом ты получишь условленные 4 т. р. сер.? Нельзя ли как-нибудь поскорее одолжить мне обещанные тобою 800 р.? С наймом новой квартиры и с меблированием ее для себя и для братьев (пока все на свой счет) я нуждаюсь в деньгах. Уведомь меня, пожалуйста, поскорее как насчет этого последнего обстоятельства, так и относительно условий, на которых ты отдаешь Шуберт свою пьесу. Уезжая в Петербург, я забыл у тебя на квартире: кофейник и молочник (глиняные), отданные мною на сохранение Агафье Ивановне, когда поедешь в Питер, захвати, пожалуйста, их с собой: мне не хотелось бы их потерять, так как мне подарила их Зубова в память о Варшаве. Пети я не застал уже в Петербурге, он, тотчас же по выпуску их в офицеры, уехал на съемку, но куда именно — я не знаю. Живу я в городе, потому что вследствие слишком больших служебных занятий, должен был отказаться от мысли жить на даче.

Пиши мне поскорее и по новому уже адресу: «на Владимирской улице, дом барона Фредерикса».

Прощай, любезный Саша, поклонись, пожалуйста Агафье Ивановне, Эдельсонам и общим знакомым, которые меня помнят.

Брат твой М. Островский

¹ Комедия «Не сошлись характерами» впервые поставлена в Александринском театре 1 сентября 1858 г. в бенефис А. И. Шуберт (см. о ней в наст. томе, стр. 408).

² Г. А. Кушелев-Безбородко — беллетрист, издатель «Русского слова» (1859—1866), покровительствовал многим актерам, в числе которых был также и И. Ф. Горбунов. Путь на сцену императорского театра для Горбунова был нелегким, несмотря на хлопоты друзей—писателей и актеров. Только после выступлений перед петербургской знатью и членами царской фамилии он в 1856 г. был принят в труппу Александринского театра.

Не имея других средств к существованию, кроме жалования, получаемого в театре, Горбунов старался завоевать расположение влиятельных лиц, без покровительства которых ему трудно было остаться на императорской сцене. Однако, по воспоминаниям современников, Горбунов не изменял своим демократическим взглядам, не чувствовал себя свободно в аристократическом обществе, испытывая иногда и унижения и горькие обиды. Особенно тяжелым его положение было в 80-е годы, когда в репертуаре театра он почти не был занят и выступал преимущественно как рассказчик в бенефисы известных актеров.

10

С. Петербург. 30 августа 1860 г.

Где ты, любезный Саша, откликнись! Сегодня твои именины, с чем и я и Евгений Николаевич тебя усердно поздравляем. Надеюсь, что ты уже в Москве, я адресую туда письмо это; будешь ли в Петербурге и когда? Весть о кончине Мартынова¹ поразила нас, как громом; потеря невознаграждаемая и для театра и для драматической литературы. Что ты должен был перетерпеть, присутствуя при его кончине!.. Здешные артисты собираются дать спектакль в пользу его семейства; но не знают — какую выбрать пьесу. По этому случаю был у меня Бурдин и просил меня передать тебе следующее: пьесу, которую ты прислал в «Современник» и которую отдал, будто бы, Бурдину на его бенефис, он уступает для спектакля в пользу семейства Мартынова², желая этим почтить память покойного. Он хотел бы знать твое об этом мнение, которое сообщи поскорее. От Горбунова после продолжительного его исчезновения, я получил подаренную тебе Снеткову³ сигарошницу, всю из черепахи с золотым твоим вензелем — просто прелесть, — которая и хранится у меня в ожидании тебя.

Прощай, отвечай поскорее и поклонись Агафье Ивановне.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Александр Евстафьевич Мартынов (1816—1860 гг.) был болен тяжелой формой туберкулеза. В 1860 г. он вместе с Островским поехал на лечение в Крым. На обратном пути в Харькове он умер (16 августа 1860 г.) на руках Островского. Островский тяжело пережил смерть своего друга и любимого актера. «С Мартыновым я потерял все на петербургской сцене», — писал он И. И. Панаеву 28 августа 1860 г. (XII, 86).

² В пользу семейства Мартынова 10 октября 1860 г. на сцене Александринского театра был дан спектакль — в этот день шла комедия Островского «Старый друг — лучше новых двух», которая раньше предназначалась для бенефиса Бурдина.

³ Фанни (Федосья) Александровна Снеткова (Снеткова 3-я) (1838—1929) — актриса, первая исполнительница роли Катерины в «Грозе» на петербургской сцене (1859). Выйдя замуж в 1863 г., оставила сцену.

11

⟨Петербург⟩ 23 декабря 1860 г.

На письмо твое, любезный Саша, о твоей пьесе¹ я не хотел было отвечать, потому что за день до получения послана была тебе от Горбунова другая депеша, и в этот же день поехал в Москву Евгений Николаевич², который всего лучше мог тебе передать, в чем дело. Но теперь отдумал и на всякий случай уведомляю тебя, что твоя пьеса окончательно пропущена и Са-

довский вполне может ее заявить, тем более, что Линская давно уже ее заявила. Приехать тебе сюда не мешало бы, чтобы лично насчет ее распорядиться и распределить роли. Вот все, что я могу тебе сообщить насчет твоей пьесы.

Петербургские новости сообщит тебе Евгений Николаевич, а я говорю тебе пока: «до свидания».

Любящий тебя брат

М. Островский

Поздравляю тебя и Агафью Ивановну с наступающими праздниками.

¹ Комедия «Свои люди — сочтемся!».

² Евгений Николаевич — Эдельсон.

12

⟨Петербург. Начало октября 1861 г.⟩

Пишу тебе, милый Саша, в ответ на последнее письмо твое¹. О намерении твоём не давать более пьес на театр я говорил и с Писемским и с Анненковым, и получил два совершенно различных отзыва. Писемский сказал, что так и надо сделать, что русская сцена не стоит того, чтобы ставить на нее свои пьесы, и что, если только можешь обойтись без дохода, доставляемого театром, то очень хорошо сделаешь, оставшись тверд в своем намерении. Напротив, Анненков говорит, что из-за какого-нибудь паршивого Комитета² не следует отказываться от исполнения своего долга в отношении к обществу, налагаемого на человека талантом, данным ему от бога. Само собою разумеется, что истина в соединении этих мнений, ибо положительно нужно показать и Комитету и тем, кому это вестать надлежит, что их не боятся и в них не ищут, но, с другой стороны, невозможно из-за этого лишать эстетического наслаждения совершенно невинную публику. Во всяком случае это вопрос довольно важный, и ты сам, более всех нас, в состоянии решить его возможно достойным и практическим способом.

Все новости наши в настоящее время ограничиваются сменой и назначением разных лиц: Игнатьев сменил³, Питкуля⁴, говорят, ожидает та же участь, Сухозанета⁵ в Государственный совет посадили и проч. В последнее время распространились здесь также слухи о подробностях самоубийства Герштенцвейга в Варшаве. Ты знаешь историю с закрытием церквей. Мера насилия, которая употреблена была с народом, бывшим в церквях, была мера неосторожная, святотатственная и совершенно ненужная. Принята она была по приказанию Ламберта⁶, отданному словесно Герштенцвейгу. На другой день в Государственном совете раздраженные члены одного обратились к Ламберту с вопросом, по чьему распоряжению была принята эта мера? Ламберт отвечал, что по распоряжению военного генерал-губернатора, т. е. Герштенцвейга, которого тогда еще не было в Совете. Когда же Герштенцвейг приехал, к нему все обратились с укором; он ответил, что действовал по распоряжению наместника. «Вы лжете, — закричал Ламберт, — я вам этого не приказывал». — «Наместник, который отказывается от своих слов, есть подлец», — сказал Герштенцвейг. — «Что вы говорите, вы забываетесь», — возразил Ламберт. — «Наместник, который отказывается от своих слов, есть подлец, подлец и подлец», — сказал Герштенцвейг и вышел. После этих оскорблений, так как они стреляться не могли (как наместник и его подчиненный), они решились бросить жребий — кто должен сам себя убить. Жребий выпал Герштенцвейгу, который и застрелился. Вот как рассказывают это дело, в котором нет ничего невероятного и которое вполне объясняет

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ПЬЕСЫ «КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ МИНИНЪ, СУХОРУКЪ» (1862)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ М. Н. ЛОНГИНОВУ

«Михаилу Николаевичу Лонгинову от автора»

Центральный театральный музей, Москва

и внезапный отъезд Ламберта. Во всяком случае в этом самоубийстве есть много темного и загадочного.

Что тебе еще сказать: Писемский написал новый рассказ, которого я еще не читал, Дружинин все болен и, кажется, водянкой, Анненков вечно голый и неизменный, жалуется на безденежье и т. п.

Любящий тебя брат

М. Островский

Р. С. Поклонись Агафье Ивановне.

Датируется по содержанию.

¹ Письмо Островского к брату, в котором он пишет о своем намерении не давать пьес для театра, не сохранилось. Но после того, как Театрально-литературный комитет забраковал комедию «За чем пойдешь, то и найдешь», Островский писал П. С. Федорову 26 октября 1861 г.: «Так как гласно протестовать против решения Комитета я не могу, то у меня остается только одно: отказаться совершенно от сцены и не подвергать своих будущих произведений такому произвольному суду» (XIV, 92).

² Театрально-литературный комитет.

³ Очевидно, имеется в виду Павел Николаевич Игнатьев (1797—1879) — генерал-адъютант и член Государственного совета, который в 1861 г. «по болезни» был от-

странен от всех занимаемых должностей, кроме должности члена Государственного совета

⁴ Александр Владимирович *Питкуль* (1817—1877) — генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер и член Военного совета.

⁵ Николай Онуфриевич *Сухозанет* (1794—1871) — генерал-адъютант, участник Отечественной войны 1812 г. В 1856—1861 гг. — военный министр, член Государственного совета. В 1861 г. недолго был наместником Царства Польского.

⁶ Карл Карлович *Ламберт* (1815—1865) в 1861 г. назначен наместником Царства Польского и командующим армией. Его распоряжение о закрытии в Варшаве церквей привело к событиям, описываемым М. Н. Островским.

Генерал-губернатор Герштенцвейг действительно кончил самоубийством, а Ламберт был после двухмесячного наместничества отозван из Варшавы, и на его место был вновь назначен Сухозанет.

В годовщину смерти Костюшки (3 октября 1861 г.) варшавские костелы заполнили молящиеся, которые стали петь патриотические гимны. Герштенцвейг ввел в костелы войска для того, чтобы разогнать демонстрацию, а многих арестовал. Польское духовенство сочло этот акт губернатора профанацией святых. По этому поводу между Герштенцвейгом и Ламбертом возникло столкновение, которое окончилось «американским поединком».

13

С. Петербург. 8 февраля 1862 г.

Вчера, любезный Саша, Анненков мне передал просьбу графини Блудовой¹ иметь три экземпляра «Минина» для рассылки по Славянским землям. Так как у меня нет столько свободных экземпляров, то я обещал написать тебе об этом, дабы ты мог мне сюда их выслать, что и исполняю. Вышли, пожалуйста, это легко сделать, отдавши посылку на руки кондуктору, которому я здесь заплачу.

Писемский с нетерпением ждет твоего ответа². Ты, конечно, не откажешься подписать протест: его подписывают все, вчера подписал и Анненков.

Посылаю при этом квитанции во взносе тобою денег в общество литературного фонда.

Любящий тебя брат М. О с т р о в с к и й

¹ Антонина Дмитриевна *Блудова* (1812—1891) была дружна со многими литераторами своего времени.

² Писемский в редактируемом им журнале «Библиотека для чтения» (1861, № 12) под псевдонимом «Старая фельетонная кляча Никита Безрылов» поместил ряд фельетонов, в которых высмеивал литературные вечера и воскресные школы, а также рисовал карикатурный образ беспринципного, бесталанного либерально-буржуазного журналиста. Против автора фельетонов резко выступила «Искра». В дальнейшем полемика привела к тому, что редакторы «Искры» В. Курочкин и Н. Степанов вызвали Писемского на дуэль, но он от дуэли отказался. Редакция «Современника» заявила также о своей солидарности со статьей «Искры» о Безрылове. Некоторые литераторы, среди которых были И. А. Гончаров, А. А. Краевский, А. Н. Майков, А. А. Потехин, П. В. Анненков, подписали протест против журнала «Искра». Писемский просил Островского подписать этот протест. Однако, несмотря на то, что Островский был дружен с Писемским, он отказался сделать это по принципиальным соображениям. Так называемая «безрыловская» история была внешним проявлением идеологических расхождений между Писемским и журналистами революционно-демократического направления.

14

〈Петербург〉 11 февраля, воскр(есенье), 1862 г.

Любезный Саша! Отказ твой подписать протест сильно огорчил Писемского. Что за важность, что там подписался Краевский?¹ Он, как капля в море, один среди литераторов, из числа коих подписали протест, кроме тех, о коих я уже писал — еще Дружинин, Гончаров и др. Не раздумашь ли ты? Гончаров, конечно, не подписал бы, если бы тут было

что-нибудь неловкое или смешное. Протесту дают другую редакцию, чтобы из частного вопроса Писемского сделать общий вопрос о поступках подобного рода. Писемский хандрит страшно: хочет бросить Петербург, литературу, все... его давит желчь. Жаль его.

Жду ответа.

Любящий тебя брат М. Островский

¹ Островский относился к Краевскому недружелюбно, подозревая его в распространении ложных слухов о несамостоятельности замысла комедии «Свои люди — сочтемся!». В «Отечественных записках» Краевского печатались недоброжелательные заметки об Островском. Как член Театрально-литературного комитета Краевский содействовал запрещению «Женитьбы Бальзамина» к постановке на сценах императорских театров. В середине 50-х и в 60-е годы Островский отказывался сотрудничать в «Отечественных записках», но в 70-х — был связан с Краевским изданием своих сочинений. Однако отношения их всегда были официальными и холодными.

15

⟨Петербург. Середина февраля 1862 г.⟩

Спешу сообщить тебе, милый Саша, приятные известия. Министр народного просвещения Головнин просил собственноручною запискою (которую я читал) Панаева передать ему немедленно биографические о тебе сведения, о твоей литературной деятельности, твой адрес, чин, имя и отчество, дабы он мог тотчас же довести до сведения государя о твоей прекрасной драме «Минин»¹ и передать при этом государю все, что может, о тебе хорошего. Панаев написал прекрасную записку о том значении, которое ты имеешь для литературы и сцены, изложил историю твоей первой пьесы, перечень главнейших твоих произведений, о том, что «Воспитанница» еще запрещена, что тобою держится весь репертуар, что ты способствовал образованию таких талантов, как Садовский и Мартынов, что заслуги твои для сцены мало оценены еще и т. п. Панаев не решился послать этой записки, не показавши мне; я был у него и нашел, что записка прекрасно написана. Какой будет результат всего этого — не известно, но, вероятно, что-нибудь хорошее.

Экземпляр «Минина» для Кучнева я получил и нынче ему передам его.

Горбунов с твоего отъезда еще не являлся: так и пропал с деньгами, данными ему на ложи для билета мною и Анненковым.

Любящий тебя брат

М. Островский

Андрюшино письмо я получил. Кланяйся Агафье Ивановне и всем.

¹ «Козьма Захарьевич Минин, Сухорук», драматическая хроника в пяти действиях с эпилогом в стихах. Первая редакция этой пьесы была опубликована в журнале «Современник» (1862, № 1). Министр народного просвещения А. В. Головнин представил пьесу царю. За «патриотическое направление пьесы» царь дал Островскому награду — бриллиантовый перстень. Островский был оскорблен этой «милостью».

Несмотря на царский подарок, Островский не получил предложения от дирекции императорских театров поставить «Минина». Только 13 июля 1863 г. после энергичных хлопот Бурдина и Горбунова пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом. Однако III Отделение после консультации с министром Двора В. Ф. Адлербергом постановку пьесы запретило. Хроника «Козьма Захарьевич Минин, Сухорук» в первой редакции на сцене поставлена не была. Вторую редакцию «Минина» Островский закончил в сентябре 1866 г., и в октябре того же года пьеса была разрешена к представлению. Впервые «Минин» был показан в Петербурге, в Александрийском театре, 9 декабря 1866 г. В Малом театре — 20 января 1867 г. в бенефис П. М. Садовского (спектакль шел на сцене Большого театра).

16

С. Петербург. 19 февраля 1862 г.

Любезный Саша! Государь тебе пожаловал за «Минина» бриллиантовый перстень в 500 р. сер. Это мне передал Панаев, которого уведомил Головин запиской. Поздравляю!

Видя из последнего письма твоего, что тебе очень не хочется подписывать протест противу «Искры», я не решился еще за тебя его подписать и вообще не знаю — что делать. И подписать-то хотелось бы, да и тебе неприятное что-нибудь сделать не хочется.

Любящий тебя брат М. Островский

Горбунов у меня ни разу не был с твоего отъезда и потому я не мог ему передать твое желание иметь карточку Еверарди¹.

¹ Камилло Еверарди (1825—1899)—знаменитый итальянский певец и педагог, выступавший в Петербурге в 1857—1867 гг.

17

〈Петербург. 24 февраля 1862 г.〉

Любезный Саша! В кабинете спрашивают: хочешь ли ты получить перстень или деньгами 450 р. Перстень же будет выдан также около этой суммы, так как остальные 50 р. удерживаются в пользу инвалидов.

Вчера я был болен и не выходил из дому, а потому не мог исполнить твоей просьбы — узнать от Писемского и Некрасова, приедут ли они в Москву на 2-ой неделе. Сегодня постараюсь это сделать, но мне кажется, что они не поедут. Писемский из себя выходит от злобы, так как затеянный протест не состоялся. Ты пишешь, что известие о перстне на тебя неприятно подействовало: ты не ожидал такого пошлого конца. Но в настоящую минуту ничего другого и ждать было нельзя и важность совсем не в перстне, а в том, что на тебя обращено внимание, что может быть весьма полезно при столкновениях твоих с цензурой или дирекцией.

Панаева третьего дня похоронили.

Любящий тебя брат

М. Островский

24 февраля 1862 г.

18

〈Петербург〉 17 октября 1863 г.

Любезный Саша!

Неужели ты хочешь оставить без всяких последствий гадкую интригу, разыгранную с твоим «Мининым»? По моему мнению, надо сделать все, что можно, чтобы раскрыть это дело, а для этого, конечно, нужно приехать в Питер и прежде всего объяснить с Потаповым¹. Полное уяснение этого дела необходимо как для собственного успокоения, так и для того, чтобы знать, можно ли в этом деле бороться и выиграть, и кто и как в этом может помочь. Поэтому приехать сюда тебе, кажется, необходимо.

Виктория Александровна поджидает тебя с нетерпением. Она ищет место классной дамы и просит меня ей достать и попросить Татаринова. Ни того, ни другого сделать я не могу. Присутствие твое здесь могло бы быть ей полезно.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Александр Львович Потапов (1818—1886) — управляющий III Отделением (1861—1864).

М. Н. ОСТРОВСКИЙ с ПЛЕМЯННИЦЕЙ (?)

Фотография, 1880-е гг.

Центральный театральный музей, Москва

19

С. Петербург. 15 декабря 1863 г. <— 4 января 1864 г.>

Любезнейший Саша! Как тебе не стыдно хандрить и хворать. Но хандра, вероятно, происходит от физического нездоровья, и потому тебе надо бы хорошенько полечиться, поддержать диету и проч.

4 января 1864 г.

Вот, милый Саша, вышла какая история: начал письмо 15 декабря, а продолжаю 4 января, то есть через 20 дней. Из этого ты можешь заключить, как я был занят [конец года] и извинить долгое мое молчание. «Тяжелых дней» твоих я не видел¹. В бенефис Бурдина я не мог: у нас

было заседание и до сего времени попасть не могу, поэтому не могу и сказать тебе — как они идут. «Воспитанницу» видел², идет хорошо и производит большой эффект. Нового у нас только то, что ты выбран членом-корреспондентом Академии наук, а я в новый год получил директорское место — место управляющего вновь учрежденного Ревизионного комитета, с 5000 р. годового содержания. Теперь мои друзья с полным основанием могут называть меня директором.

Из других новостей заслуживает внимания новая опера «Фауст» Гуно³. Музыка, по моему мнению, не замечательная, но сюжет и вся обстановка оперы до того поэтичны, а Барбо так прелестна в роли Маргариты, что опера во многих местах производит впечатление; к сожалению, она страшно длинна и утомительна...

Извинись за меня перед Андрюшей, что я ему так долго не отвечал: право, было некогда, да он и сам пишет чересчур редко. Поздравь его и Петю: первого с прошедшими именинами (30 ноября), а второго с прошедшим днем рождения (1 января).

Будешь ли ты сюда? Я так привык тебя часто здесь видеть, что без тебя скучно, да и не мне одному, а многим.

Горбунца иногда вижу, ему дали единовременное пособие и обещали прибавить жалованье.

Затем прощай, любезный Саша, поклонись Агафье Ивановне, братьям и всем, кто обо мне вспоминает.

Любящий тебя брат

М. Островский

Сережа мне пишет, что новый акцизный управляющий в Полтаве Цвет обещал ему место и, кажется, хочет поместить его окружным надзирателем. Дай-то бог!

¹ «Тяжелые дни» — впервые напечатаны в журнале «Современник» (1863, № 9) на сцене Александринского театра были поставлены первый раз 2 декабря 1863 г. в бенефис Бурдина, исполнявшего роль Тита Титыча.

² «Воспитанница» впервые была опубликована в журнале «Библиотека для чтения» (1859, № 1), но для постановки на сцене запрещена. Только в 1863 г. ее разрешили ставить в театре. Премьера в Малом театре состоялась 21 октября 1863 г. На сцене Александринского театра «Воспитанница» шла в первый раз 22 ноября 1863 г. в бенефис Е. Н. Жулевой.

³ Опера Гуно «Фауст» в России впервые шла в Петербурге в итальянской опере в декабре 1863 г. Роли исполняли: Фауст — Тамберлик, Маргарита — Барбо, Мефистофель — Эверарди.

С. Петербург. 10 января 1864 г.

Передаю тебе, любезный Саша, поклон Ив. Серг. Тургенева, который на днях приехал, растолстел и поздоровел значительно. Он спрашивал о тебе и интересовался знать, не приедешь ли ты? Я не мог ему дать удовлетворительного ответа. А, в самом деле, не приедешь ли? Хорошо было бы.

Я забыл тебе в прошлом письме написать, что когда государь подписывал указ о моем назначении, то спросил — не поляк ли я, на что Валериан Алексеевич ответил, что несколько не поляк, но брат того Островского, который, без сомнения, известен государю как наш народный писатель.

Напиши поскорее — думаешь ли ты приехать, да если можно и приезжай.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Валериан Алексеевич — Татаринов. См. о нем стр. 221—222 настоящ. кн.

С. Петербург. 4 марта 1864 г.

Согласно твоему желанию, любезный Саша, я следующие тебе из театральной дирекции деньги получил, всего 2 258 р. 84 к. Из них я решился удержать на короткое время 258 р., а остальные 2 000 р. вместе с сим посылаю. Деньги мне теперь крайне нужны, но я их возвращу тебе вместе с взятыми перед твоим отъездом 275 р. — тотчас же, как ты того пожелаешь. Из этих денег я внес за тебя в Общество Литературного фонда за 1864 год 10 р. Ты, вероятно, уже знаешь, что здешние литераторы собираются праздновать 300-й год рождения Шекспира (23 апреля). Для устройства празднества избрана комиссия, в которую избран и ты; но в твоё отсутствие просили меня тебя заменить, от чего я хотя и уклонялся, но отказаться не мог. На тебя сильно рассчитывают в том отношении, что ты пригодишься к торжеству какую-нибудь пьесу, которую можно будет разыграть¹.

Книги, о которых писал Петя, я постараюсь прислать с Иваном Федоровичем, который скоро едет. На меня продолжают сыпаться почести: я получил чин действительного статского советника, но государю угодно, чтобы объявлено об этом было в день Пасхи, а до того времени это секрет. В вице-директоры я себе взял Филиппова, который по своему уму и образованию без сомнения принадлежит к исключительным явлениям в нашем чиновничьем мире.

Как твое здоровье? От чего у тебя ревматизм? Напиши об этом, пожалуйста, а также уведошь — как подвигается твоя пьеса, которую ты пишешь.

Братьев обнимаю, всем меня помнящим кланяюсь.

Любящий тебя брат М. Островский

¹ Для подготовки юбилея Шекспира 23 апреля 1864 г. Комитет литературного фонда избрал комиссию, в состав которой вошел также Островский.

Во время отсутствия драматурга в комиссии его замещал брат, Михаил Николаевич. Однако юбилейный вечер в Александринском театре не состоялся, так как царь не разрешил чествовать «иностранный писателя» в императорском русском театре. Островский не написал пьесы к юбилею Шекспира.

С. Петербург. 5 марта 1864 г.

Сейчас, любезный Саша, получил твое письмо и чувствую потребность прежде всего и теперь же сказать тебе несколько слов насчет назначения Филиппова моим помощником. Я сам его выбрал и сам ему предложил; но прежде, чем я на это решился, я долго думал и взвешивал все, что я имею и про и contra его назначения. С одной стороны, мне представлялись его ум, образованность, умение владеть русским языком, — качества, которые весьма редко соединяются в одном и том же лице нашего чиновничьего мира; с другой стороны, представлялись темные стороны его характера, в которых я, впрочем, не имел случая лично убедиться и о которых я знаю только по рассказам. Сообразив все это, я счел себя не вправе отнять у служебного дела, которым я занимаюсь, такого способного и образованного деятеля, как Филиппов, ввиду неизвестных мне каких-то темных сторон его характера, которые, во всяком случае, могут повредить только мне лично, но никак не делу. Вы, люди не служащие, имеете полное право и основание руководствоваться в выборе своих знакомых личными своими симпатиями или антипатиями; мы же, служащие, должны прежде всего смотреть не на то — приятен ли нам

человек, а до какой степени он полезен для дела. Мне теперь, при выборе подчиненных, приходится выдерживать очень трудную борьбу со своим сердцем, с своими личными отношениями и взглядами. Но что делать? Так надо. Поэтому, если бы я и был убежден, что Филиппов имеет в своем характере темные стороны, я должен был бы взять его себе на службу, тем более, что мы можем по-прежнему остаться в довольно холодных друг к другу отношениях. Я потому об этом так распространяюсь, что мне очень было бы грустно на первом шагу моей высокой служебной деятельности, сделать ошибку в выборе главного своего сотрудника. Как только стало известно, что Филиппов к нам переходит, Валерьян Алексеевич был осыпан со всех сторон похвалами на его счет. Оправдаются ли они — увидим. Так как из твоего письма я вижу, что и Агафья Ивановна не одобряет моего выбора, то я желал бы, чтобы и она прочла написанные мною строки.

Заседание Шекспировской комиссии было только один раз, но я по разным обстоятельствам не попал на него. На нем, впрочем, ничего не было постановлено, на днях будет другое, и я сообщу тебе результаты, а пока съезжу к Анненкову и передам ему то, что ты пишешь. Во всяком случае спектакль затевается и сильно рассчитывают, что ты напишешь для него пьесу и сам приедешь. Очень рад, что ты поправился. Деньги (2000 р.) я послал тебе вчера (4 марта) и ты их, вероятно, получил. Книжки постараюсь прислать с Горбуновым. Напиши, когда собираешься приехать. Поклонись всем нашим.

Любящий тебя брат

М. Островский

23

С. Петербург. 12 марта 1864 г.

Сейчас возвратился из нашего Шекспировского комитета, где я заявил мысли твои, высказанные в письме ко мне. В первом заседании, которое было без меня, согласились все торжество ограничить спектаклем. Сегодня начертали программу следующего содержания.

Часть 1-я

1. Увертюра из «Сна в летнюю ночь» Мендельсона.
2. Статья «Шекспир на Руси» (Тургенева).
3. Сцены из «Гамлета» (4 акт).
4. Живые картины (из шекспировских пьес).
5. Сцены из шекспировской пьесы для Садовского. (Пьесу эту и самые сцены просят тебя выбрать и вообще согласиться на этот счет с Садовским и если найдешь нужным с прочими московскими актерами. Хорошо бы выбрать комические сцены.)
6. Живые картины.

Часть 2-я

1. Увертюра к одной из пьес Шекспира (забыл к какой), написанная Флотовым.
2. Сцена из Шекспира на немецком языке для знаменитой немецкой актрисы, которую ждут сюда на днях из Дрездена.
3. Живые картины.
4. Увертюра к «Лире» — нашего русского Балакирева.
5. Сцены из «Лира» (или 2-й акт — проклятие, или сцена в лесу).
6. Стихи (вероятно, Майкова) и
7. Нечто вроде апофеоза.

Программа эта, конечно, не окончательная, но ее необходимо было составить, чтобы представить по начальству, так как для празднования Шекспира надо высочайшее повеление, которого мы еще не имеем, но в получении его не сомневаемся. Насчет пьесы для Садовского просили с тобой списаться. Сообрази, пожалуйста, что он может сыграть, не надо ли, кроме его, еще кого-нибудь пригласить? И отвечай поскорее, так, чтобы я смог получить ответ к следующему четвергу, в который у нас назначено заседание комитета. Да не приедешь ли сам поскорее? Ты был бы очень полезен.

Любящий тебя брат М. Островский

Книги посылаю с Горбуновым, который собирается ехать в воскресенье (а быть может даже и в субботу), т. е. 15-го или 14-го числа.

24

С. Петербург. 18 октября 1864 г.

Видал я твоих «Шутников»¹, любезнейший Саша, и спешу передать тебе мое впечатление. Пьеса разучена весьма старательно и идет безукоризненно. Самойлов более, чем хорош: роль выучил, шутки никаких не делает и гораздо более на своем месте, чем был в этой роли П. Васильев. Бурдин приличен. Дамы милы обе. И Малышев недурно играет, но, назначая ему роль, ты, вероятно, не имел в виду, что он растолстеет в последнее время до неприличия: что за шея, что за подбородок? Нельзя видеть без неприятного чувства. И так он один нарушал немного ансамбль пьесы, которая публике очень понравилась и имела большой успех.

Я последнее время простудился и *лежу* с гриппом, что немного и задерживает мой отъезд. Как скоро совершенно поправлюсь, так тотчас и выеду. Надеюсь, что это случится в течение наступающей недели. Положившись на твое успокоительное письмо относительно экипажей, я здесь не нанимаю и не покупаю. Еще меня заботит одно обстоятельство: у меня нет в дорогу шубы. Я надену непосредственно на тело теплый на мелком барашке сюртук, но сверху его на всякий случай надо иметь что-нибудь тоже меховое. Горбунов советует мне приобрести в Москве шубу тоже на барашке. Подумай, пожалуйста, за меня, чтобы мне, приехавши в Москву, не долго в ней засиживаться, так как я могу пробыть в ней дня два, много три.

Ив. Серг. Тургенев, который мне писал недавно, усердно тебе кланяется.

Кланяюсь всем нашим и остаюсь

любящий тебя брат М. Островский

О дне выезда из Петербурга тебя предупредю.

¹ Комедия «Шутники» впервые опубликована в журнале «Современник», 1864, № 9. Первое представление пьесы состоялось в Александринском театре 9 октября 1864 г. в бенефис Бурдина. Островский помогал постановщикам и артистам советами в своих письмах он давал конкретные указания исполнителям ролей Оброшенова и Хрюкова. На роль Оброшенова драматург намечал В. В. Самойлова и П. В. Васильева. Пьеса имела большой успех. В оценке исполнителей мнение М. Н. Островского совпадало с мнениями театральных рецензентов.

25

С. Петербург. 10 мая 1866 г.

Любезный Саша! Не писал я тебе так долго потому, что старался потщательнее изучить новую твою пьесу, узнать мнение Анненкова и Некрасова и обстоятельно тебе обо всем сообщить. Прежде всего скажу

тебе, что новая твоя пьеса есть труд превосходный¹. Я четыре раза читал ее и с каждым разом находил все более и более красот, так что я от себя почти ничего не могу тебе заметить, кроме не стоящих внимания мелочей, как например, в монологе Дмитрия упоминание о Фаэтоне и Ромуле, совершенно естественное в устах *Дмитрия*, получившего схоластическое образование, кажется не совсем натуральным потому только, что в остальных речах Дмитрия нигде уже подобных мест не встречается; вопрос его «но как сидеть и как следить я буду?» кажется мне тоже не совсем натуральным. Садясь на престол, Дмитрий мог еще задать себе вопрос — как он будет сидеть, но едва ли ему могло прийти на ум — как он будет следить. По крайней мере для меня неясно то душевное настроение, которое должно было вызвать эту мысль. В одном месте об Игнатии кто-то сказал: «отец Игнатий»? Так как Игнатий был из епископов, то *отцом* быть назван не мог. Вот и все. Затем сцена с *матерью*, суд над Шуйским, монолог Дмитрия — прекрасны. Характеры Дмитрия, Шуйского и Голицына тоже очерчены прекрасно.

Анненков, как и я, от твоей пьесы в восторге и с нетерпением ждем второй части. Он сделал, впрочем, следующие замечания: желательно было бы дать большую роль народу, чтобы он не был только орудием Шуйского, но чтобы было видно, что в массе народа (по крайней мере в весьма многих из народа) было недоверие к самозванцу, что многие из народа его признали, зная, что он самозванец и уступая в драме обстоятельствам и соображениям разного рода. Тогда свержение и убийство самозванца народом будет совершенно естественным и законным явлением. У тебя, впрочем, на это есть намеки (юродивый, ключник, Конев), но не мешало бы дать этому большее развитие. Еще одна заметка: кроме Дмитрия, Шуйского, Голицына, характеры которых рельефны, не мешало бы для большей живости изложения обрисовать хотя бы одного грубого и выдуманного чертою каждого из остальных бояр (Мстиславского, Воротынского и т. д.). Конечно, для этого не нужно увеличивать предположенный тобою круг их действий, меру их участия в событиях или даже их монологи. Достаточно в тех немногих строках, которые выпали на долю каждого, показать, что один вспыльчив, другой насмешлив, третий мстителен, зол, скуп или что-нибудь в этом роде.

Впрочем, все эти заметки потеряют, может быть, всякое значение, когда мы прочтем вторую часть. Постарайся прислать ее *как можно скорее*. Кроме интереса, с которым мы ее ждем, надо тебе сказать, что Анненков через неделю едет, а желательно, чтобы он прочел.

Некрасову твоя пьеса тоже очень нравится, но он сам хотел бы написать тебе. Вероятно, напишет и об условиях. Он находится совершенно в убитом состоянии духа: ему грозят судом за статью Жуковского, некоторые из сотрудников его взяты...² Если с ним дело не сладится, надо предложить пьесу «Вестнику Европы». Во всяком случае пришли поскорее вторую часть. Лето я проведу здесь на даче; едва ли удастся вырваться из Петербурга. Горбунов, вероятно, писал тебе, что к Пасхе я получил звезду.

Будь здоров, поклонись Агафье Ивановне и всем нашим.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» — драматическая хроника в двух частях. Первая часть хроники была закончена в начале апреля, вторая — в конце мая 1866 г. Завершив работу над «Хроникой» для печати, Островский приступил к созданию сценического варианта, который значительно отличается от текста, предназначенного для печати.

В связи с закрытием «Современника» пьеса была напечатана в «Вестнике Европы» (1867, № 1). В этом же году вышло ее отдельное издание.

16 июля 1866 г. пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом. Однако только после настойчивых хлопот драматурга и М. Н. Островского постановку «Дмитрия Самозванца» разрешили лишь на московской сцене. В Петербурге шла пьеса того же исторического содержания, автором которой был Н. А. Чаев.

Премьера «Дмитрия Самозванца» в Малом театре состоялась 30 января 1867 г. в бенефис Е. Н. Васильевой. В 1868 г. Островский и его друзья возобновили хлопоты о постановке «Дмитрия Самозванца» на петербургской сцене, но они не увенчались успехом. В 1871 г. они вновь начали хлопотать о постановке пьесы, и только 1 февраля 1872 г. было получено разрешение театральной цензуры в связи с 25-летним юбилеем драматурга. Премьера состоялась 17 февраля 1872 г. на сцене Мариинского театра в бенефис Е. Н. Жулевой. Спектакль успеха не имел из-за плохого исполнения главных ролей и небрежного оформления.

² Речь идет о А. Н. Пышине и Ю. Г. Жуковском (авторе статьи «Вопрос молодого поколения». — «Современник», 1866, № 3), которые были привлечены к суду, но оправданы, однако журнал был закрыт.

26

С. Петербург. 4 ноября 1866 г.

Милый Саша! По получении последнего письма твоего об отказе дирекции ставить твоего «Самозванца»¹ в Москве, отказе, которым нельзя, конечно, не оскорбиться, но который вместе с тем доказывает необыкновенную глупость дирекции, не понимающей ни в настоящем, ни в будущем своих собственных интересов, — я употребил все возможные меры, чтобы письмо твое к министру имело успех. Я передал это Анненкову, который, узнав, решительно возмутился и обещал попросить директора канцелярии министра Тарновского², его большого приятеля. Я же со своей стороны обратился к Кистеру, от которого и жду с минуты на минуту ответа и не писал бы тебе до получения от Кистера известия, если бы не встретились особые обстоятельства.

Твой «Минин» идет 9 декабря. Самойлов от роли Минина окончательно отказался; затем роль эта должна быть отдана или Леонидову или Бурдину. Ты очень хорошо знаешь, что я Бурдина считаю актером без таланта, хотя и не без ума, но при выборе между ним и Леонидовым для меня не может быть ни малейшего колебания: Леонидов Минин невозможный, я не был бы в состоянии идти смотреть его; он не только дурно играет, но он расстраивает нервы своею фальшивою интонацией. И потому, по моему мнению, тебе надо отдать роль Минина Бурдину, который, к слову сказать, из кожи лезет, чтобы устроить твои дела с дирекцией и вообще сделать тебе приятное и который, конечно, уже постарается, чтобы «Минин» был поставлен <и сренетован> как следует.

Очень рад, что Агафье Ивановне лучше. Трудно представить, чтобы осторожность, аккуратное лечение и известный режим не могли, если не искоренить, то по крайней мере значительно ослабить всякую болезнь. Сам я вот уже с августа месяца собираюсь к вам, но дела мешают. Во второй половине ноября, однако, надеюсь отсюда вырваться и приехать в Москву дня на три.

Затем прощай. Как только получу известие от Кистера, дам тебе знать. Поклонись Агафье Ивановне и всем нашим.

Любящий тебя брат М. Островский

¹ См. комментарий к письму 10 мая 1866 г.

² Константин Августович Тарновский (1826—1892) — переводчик, драматург, автор водевилей и легких комедий, преимущественно переделок иностранных пьес, которые, несмотря на слабые художественные достоинства, вытесняли часто из репертуара императорских театров пьесы Островского; чиновник дирекции императорских театров.

С. Петербург. 10 декабря 1866 г.

Милый Саша. Вчера шел твой «Минин»¹. Пьеса имела успех и тебя вызывали. Бурдин в некоторых местах был сносен; в других был просто ужасен. Я нарочно ездил на репетицию, чтобы дать ему совет. Я указывал на необходимость отказаться от обычных его слезливых нот и завывания. Вообще репетиции шли недурно: он играл довольно сдержанно. На представлении же, подобно райской птице Сирин, сам себя забыл и пошла писать. Не говоря уже о том, что он сам себе верен не был: являлся то грубым мужиком, то слезливой бабой, то восторженным героем, — в некоторых местах он до того завывал, что превосходил сам себя. Когда он кончает сцену словами «О, господи! благослови начало!», он упал на колени и зарыдал, прорыдавщи несколько секунд, он произносил означенные слова и снова начал рыдать. Мне так было за него совестно, что не мог смотреть на сцену.

Вообще с Бурдиным, кажется, надо кончить. Я поговорю с тобою об этом в Москве, куда на днях собираюсь.

С Анненковым о «Дмитрии Самозванце» поговорю завтра. Поклонись Агафье Ивановне и всем нашим.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Премьера «Минина» (вторая редакция) состоялась в Александринском театре 9 декабря 1866 г.: в бенефис Марковецкого.

Островский хотел, чтобы роль Минина исполнял В. В. Самойлов, но Самойлов выразил желание играть юродивого и роль Минина была передана Бурдину (дирекция театра не дала Самойлову роли юродивого).

Несмотря на советы и прямые указания драматурга, Бурдину роль Минина совершенно не удалась. Почти все рецензенты отмечали неправильную трактовку и плохое исполнение главной роли. Так же неудачно был поставлен «Минин» и в Малом театре (премьера 20 января 1867 г.), где главную роль играл П. М. Садовский.

С. Петербург. 10 декабря 1866 г.

Только что я послал тебе письмо, любезный Саша, как вспомнил, что сделал в нем одну ошибку, которая может привести тебя в недоумение... Бурдин рыдал не тогда, когда произносил: «Господи, благослови начало», а при словах: «О господи, благодарю тебя», которыми кончается, кажется, 1 картина 5 акта.

Бурдин сегодня был у меня и просил моих указаний относительно его игры. Я ему указал все наиболее слабые места; он выслушал со смирением и обещал в следующий раз играть согласно с моими замечками.

Он меня спросил — писал ли я тебе и что именно. Я ответил ему, что писал тебе очень кратко о том, что спектакль удался, обещая на словах рассказать подробности.

Сейчас получил письмо твое. Деньги из дирекции постараюсь взять: не знаю, дадут ли только.

Поездка моя хотя и решена, но наверно не знаю, когда выеду. Может быть, в четверг, 15-го.

Итак, до свидания.

Любящий тебя брат

М. Островский

С. Петербург. 11 января 1867 г.

Рукопись твою, любезный Саша, я получил и, переписавши первую часть, отдал Стасюлевичу. Он, Костомаров и Анненков в восторге. Костомаров сделал только две заметки, которые изложены в прилагаемой записке. Первая касается слов Марины («перерезать бояр»). Марина вовсе не была кровожадною, и потому не могла этого сказать, да и Дмитрий, который не любил вешать или резать, не мог бы оставить без ответа подобные выходки. Нельзя ли тебе слово «перерезать» заменить другим, менее резким словом.

Другая заметка касается смерти Осипова. *Исторически* известно, что он не был казнен Дмитрием, что он ворвался во дворец во время бунта и был убит Басмановым. Нельзя ли и это исправить?

Если ты на это согласишься, то доставишь полнейшее удовольствие и редакторам и всем нам, принимающим участие в тебе и твоей пьесе¹.

Стасюлевич заплатил уже мне 1 000 р. Что мне с ними делать? Остальные 500 р. он заплатит по отпечатании пьесы и по расчету, что будет стоить типографская работа по отдельным оттискам.

Он просил, чтобы ты *теперь же* уведомил — сколько тебе надо оттисков. Это ему крайне необходимо знать безотлагательно, так как к набору пьесы уже приступили. Я думаю не более 3000.

Он также непременно хочет корректуру посылать тебе, не надеясь на себя и прося возвращать и поскорее.

Денег из дирекции еще не получил и до сего времени не имею даже сведения, много ли причитается тебе. Горбунов хотел завтра утром зайти и сообщить мне об этом. Поэтому, может быть, успею приписать тебе в этом же письме.

Отвечай поскорее. Поклонись всем нашим.

Любящий тебя брат М. Островский

Иван Федорович пришел и обещал принести талон на получение денег в субботу. Цифры сам еще не знает и винит во всем Клименко.

¹ Островский согласился с замечаниями Костомарова и внес изменения в текст (см. IV, 376, 382).

С. Петербург. 29 октября 1868 г.

Посылаю тебе, любезный Саша, 100 р. на расходы по Щелыкову. Пошли сам их Ирине Андреевне¹. Но я мог бы желать, чтобы к 1 января ты свел счет: что ты издержал в течение года по Щелыкову, что получил и что можешь получить (приблизительно, конечно) от продажи хлеба и масла и т. п. Уведомь также, можно ли зимой послать в деревню книги, которых у меня много и которые мне хочется переслать в деревню, и как это сделать.

Удивляюсь количеству работ, которые ты предпринял. Дай бог тебе сил. Комедию твою я читал, и она мне очень понравилась². Я ничего не мог бы заметить, разве только то, что конец очень похож на конец «Ревизора». Но это не беда. Идет она через два дня. Боюсь, что сын Самойлова не сладит с ролью: это самая трудная роль, которую я знаю.

Затем прощай; приезжай скорее. Марье Васильевне поклонись.

Любящий тебя брат М. Островский

¹ Ирина Андреевна — *Белихова*.

² Имеется в виду комедия «На всякого мудреца довольно простоты». Впервые опубликована в «Отечественных записках» (1868, № 1). Премьера состоялась на сцене Александрийского театра 1 ноября 1868 г. Роль Глумова исполнял дебютант Николай Васильевич Самойлов (1838—1897), сын В. В. Самойлова. Опасения М. Н. Островского оказались напрасными — исполнение роли Глумова было удачным, как, впрочем, и исполнение почти всех основных ролей. Особенно отмечали игру П. В. Васильева в роли Городулина. Спектакль прошел с успехом.

31

С. Петербург. 9 января 1839 г

Поздравляю тебя, милый Саша, с новым годом и желаю тебе, прежде всего, здоровья и побольше денег.

Ты спрашиваешь моего совета о том — как тебе сделать детей твоих законными. Но ты, конечно, сам знаешь, что для этого прежде всего надо жениться на их матери. Таким образом, все сводится к вопросу: жениться ли тебе на Марье Васильевне? Но для решения этого вопроса необходимо знать различные подробности, которые мне неизвестны, а потому я и не могу дать в этом вопросе прямого и положительного ответа. Я вообще враг всех ложных отношений, особенно же к женщинам и законные к ним отношения предпочитаю незаконным. Но из этого правила, как и из всех общих правил, могут быть терпимы исключения в виду частных причин и соображений. В женском характере бывают иногда такие неудобные для сожителства черты, развитие которых только и сдерживается зависимостью от мужчины, с которым женщина живет. При замужестве же эти черты развиваются иногда до невыносимых размеров. Но и, с другой стороны, при ненормальных и зависимых отношениях к мужчине характер женщины иногда портится и хорошие стороны его не только не развиваются, но и вовсе погибают. Характер Марьи Васильевны мне неизвестен со всех сторон и потому, с точки зрения личного твоего счастья и удобства, я никак не могу дать тебе совет, один ты в этом деле судья и компетентный и безошибочный. Вот все, что я могу тебе сказать по этому поводу.

Надеюсь, что ты оценишь мою искренность и не будешь претендовать на меня за мою уклончивость, и также строк этих не передашь Марье Васильевне.

Вместе с сим посылаю маменьке 6 тысяч рублей за Щелыково, остальные 2 тысячи рублей заплачу в непродолжительном времени. Для этого я должен был сделать заем, что меня несколько стесняет в моих средствах жизни. Летом в Костроме мы совершим купчую на имя нас обоих. Но при этом мне хотелось бы сделать вот что: Щелыковым я и ты дорожим не только как приятным летним местопребыванием, но и как памятью о покойном отце. А потому пока мы с тобою живы, мы будем владеть им сообща, но, в случае смерти одного из нас, мне хотелось бы, чтобы имение перешло всецело одному из нас, кто останется в живых без участия в нем наследников умершего. Подумай, каким бы образом, при совершении купчей, нам заключить с тобою в этом смысле формальное условие.

Затем, не можешь ли ты сообщить мне за истекший год счет расходов по Щелыкову и доходов, которые мы получили и должны получить¹.

Новая пьеса твоя производит везде фурор² и, как говорил мне Горбунов, чрезвычайно нравится Геденову. Ожидаем тебя к постановке ее здесь. А пока будь здоров, поцелуй деток и поклонись Марье Васильевне.

Любящий тебя брат

М. Островский

А. ОСТРОВСКИЙ. СОЧИНЕНИЯ,
т. I (СПб., 1859)

С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
Е. А. ЭДЕЛЬСОН:

«Екатерине Алексеевне Эдельсон
от автора»

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

Екатерине Алексеевне Эдельсон

Здесь стоит

от автора.

СОЧИНЕНИЯ А. ОСТРОВСКОГО.

I.

¹ После смерти Островского М. Н. Островский передал свою часть имения дочери драматурга, Марии Александровне (по мужу Шателен).

² Имеется в виду комедия «Горячее сердце», опубликованная в «Отечественных записках» (1869, № 1).

Первое представление ее состоялось в Малом театре 15 января 1869 г. в бенефис П. М. Садовского, исполнявшего роль Курослепова, и прошло с огромным успехом. В Петербурге премьера была 29 января 1869 г. в бенефис Ю. Н. Линской. На сцене Александринского театра пьеса успеха не имела. Провал этого спектакля Островский пережил как «труднопереносимое горе».

С. Петербург. 18 дек(абря) 1869 г.

Милый Саша! У меня был Салтыков и просил узнать от тебя, — когда ты прийдешь новую свою пьесу, чтобы знать, попадет она в январскую книжку «Отечественных записок» или нет¹. А для того, чтобы она попала в январскую книжку, надо, чтобы она была здесь не позже 25 декабря.

Уведомь меня тотчас же об этом, чтобы я мог передать Салтыкову или Некрасову.

Письмо твое получил и очень рад, что ты доволен тем, что пока сделано по твоему ходатайству перед Дирекцией. Поверь, что мы ничего не упустим, чтобы помочь тебе в этом деле.

Любящий тебя брат М. Островский

Марье Васильевне кланяюсь, деток целую и от Саши жду письма.

¹ В «Отечественных записках» установилась традиция — каждый год начинать первую книжку журнала новой пьесой Островского. Однако в 1870 г. новая пьеса Островского «Бешеные деньги» была напечатана не в первом номере, а во втором.

33

С. Петербург. 20 декабря 1870 г.

Милый Саша. Пьесу твою я получил¹ и успел уже прочесть ее в присутствии Анненкова, Филиппова и Феокистова. Все в безусловном восторге. Все единогласно советуют представить ее на премию и потому присылай скорее другой экземпляр (к 29 декабря надо представить). Конечно, никто не может ручаться, что Академия, наполненная педантами, признает пьесу достойною премии. Но мы решились принять некоторые в этом отношении меры. Дело в том, что Академия решила не отдавать более пьес на просмотр посторонним лицам, а рассматривать их в своей среде, а так как тут главнейшими по драматическим произведениям судьями являются Никитенко и Грот, то мы условились еще раз прочесть ее (у Анненкова) в присутствии Никитенко и Грота, надеясь, что то необыкновенное впечатление, которое она производит на всех понимающих это дело, отразится и на них. Сверх того, Анненков поручил мне просить тебя дозволить прочесть ее публично в пользу Литературного фонда: уведоь меня — согласен ли ты. От всей души поздравляю тебя с превосходной пьесой: впечатление, производимое ею, так сильно, что надо дать время пройти ему, чтобы что-нибудь заметить, а потому в настоящее время я, кроме безусловной похвалы, ничего не могу тебе сказать по ее поводу.

Фасад дома мне очень нравится, но я желал бы иметь план, потому что забыл расположение комнат. Пришли, пожалуйста, хотя бы начерченный твоею рукою.

Относительно Кожанчикова² непременно переговорю на днях с Максимовым³, которого никак не могу залучить.

Некрасов все это время на охоте, возвращается сегодня в ночь, и завтра утром я передам ему пьесу. Я посылал ему ее, но его уже не застал в городе. Сколько мне нужно взять денег: предоставляешь ли ты ему назначить или сам хочешь определить сумму — напиши мне.

Прощай, милый Саша.

Поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Имеется в виду комедия «Лес». Напечатана в «Отечественных записках» (1871, № 1). Еще до публикации пьесу читали в кругу актеров и литераторов, где она была принята восторженно.

Комедия была представлена на 15-й Уваровский конкурс, но премии не получила. В связи с этим Анненков писал М. Н. Островскому: «В премии Александру Николаевичу отказано: это порешили все чемоданы, набитые «квази»-ученой трухой, которые заседают в Отделении российской словесности. Ни крошечки вкуса, ни искорки поэтического чувства, ни признака понимания мастерских построек в литературе — не обнаруживается давно уже у товарищей Безобразова, Никитенко, Б. Федорова» (VI, 446—447).

² О Д. Е. Кожанчикове — см. стр. 91 настоящей кн.

³ Сергей Васильевич Максимов (1831—1901) — писатель, этнограф, друг Островского. В 60—70-х годах Максимов вел по поручению Островского переговоры с петербургским издателем Звонаревым и Кожанчиковым об издании сочинений драматурга и вместе с Горбуновым правил корректуру.

С. Петербург. 24 сент (ября) 1871 г.

Милый Саша, вчера я писал тебе, посылая деньги, а сегодня опять сажусь за письмо уже по другому делу. Сегодня был у меня Бурдин в совершенном отчаянии от полученного им твоего письма, где ты отказываешь ему в роли Несчастливцева. Он почти плакал, говоря, что ни минуты не задумался бы уступить роль другому, если бы думал, что кто-нибудь сыграет лучше его. Пишу тебе не <с> целью просить за Бурдина, но с тем, чтобы передать мой взгляд на его соперников. Самойлов очень болен и, вероятно, долго играть не будет. Остаются, по твоему заявлению, Монахов¹, Малышев², Степанов³ и Леонидов.

О Монахове нечего и говорить. Это не серьезный актер; к тому из-за границы он воротился с надорванным горлом и почти не может говорить.

Малышев не без таланта, но над собой не работает: у него однообразная манера, он не говорит, а поет и голос его лишен оттенков.

Степанов — актер посредственный, не на первые роли.

Леонидова я никогда не мог выносить: у него нет ни задушевности, ни естественности, ни даже умения правильно, с надлежащим ударением произносить слова.

Из этого я заключаю, что, если Бурдин будет дурен, что несомненно, то и все остальные (кроме Самойлова, конечно) будут дурны; в этом я убежден. Но может быть Бурдин будет хуже всех?... Не думаю; во всяком случае здесь разница в игре будет столь ничтожна, что она с избытком окупится тем, что Бурдин прекрасно выучит роль и будет во всем слушаться тебя и меня.

Это мнение не одного меня, но и других лиц, принимающих участие в тебе и в судьбе твоих пьес (например, Феоктистовых). Впрочем, повторяю, что пишу тебе не с целью ходатайствовать за Бурдина, а с целью высказать свое мнение вообще о претендентах на роль Несчастливцева.

Будь здоров!

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Об И. И. Монахове — см. стр. 106 настоящ. кн.

² Павел Иванович Малышев (1836—1882) — артист Александринского театра.

³ О П. С. Степанове — см. стр. 100 настоящ. кн.

(Петербург) 3 ноября 1871 г.

Спешу тебя уведомить, милый Саша, о том, как прошел бенефис Бурдина¹. Пьеса вообще имела успех, хотя по длине своей и была несколько утомительна, чему особенно способствовала Читау, тянувшая немилосердно каждое слово. Да и Бурдин в спокойных местах несколько тянул. Вообще же играли удовлетворительно. Всех лучше были Васильев (безукоризненно играл) и Сазонов. Играл хорошо Зубров. *Могла бы играть хорошо Читау, если бы не тянула.* Бурдин в некоторых местах играл хорошо; в других по обыкновению завывал и даже как-то ржал. Играл недурно: Зубов, Струйская (даже очень недурно) и Пронский. Александрова была неудовлетворительна. Горбунов был из рук вон плох.

Все вообще, особенно же Бурдин, очень старались. Пьесу необходимо сократить, особенно же роль помещицы.

Вот все, что могу тебе сообщить о первом представлении. Не знаю — что будет далее. После второго представления будет тебе писать Бурдин. Поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Премьера пьесы «Лес» на сцене Александринского театра состоялась 1 ноября 1871 г. в бенефис Бурдина. Приводим перечень действующих лиц и фамилии актеров, участвовавших в спектакле:

Несчастливцев — Ф. А. Бурдин, Гурмыжская — А. М. Читау, Аксюша — Е. П. Струйская 1-я, Милонов — П. П. Пронский, Бодаев — П. С. Степанов, Восьмибратов — П. В. Васильев 2-й, Петр — И. Ф. Горбунов, Счастливец — П. И. Зубов, Буланов — Н. Ф. Сазонов, Улита — М. М. Александрова, Карп — Н. Н. Зубов.

Островский не мог приехать в Петербург, но его очень беспокоило, верно ли сценическое воплощение пьесы, и в письмах к Бурдину он давал советы исполнителям главных ролей. Однако петербургская премьера прошла неудачно; в значительной степени это объяснялось плохим исполнением роли Несчастливцева, которого из-за болезни Самойлова играл Бурдин.

В Малом театре «Лес» впервые был поставлен 26 ноября 1871 г. в бенефис С. П. Акимовой, исполнявшей роль Улиты. Спектакль готовился под непосредственным руководством Островского и прошел с большим успехом. Актеры Шумский, Медведева, Акимова создали в нем классические образы Счастливецца, Гурмыжской, Улиты. Через много лет Островский, вспоминая этот спектакль, писал: «Этот спектакль ясно показал, что московская публика любит и ценит меня; когда после 5-актной моей пьесы «Лес» я вышел на сцену, вся публика в театре встала, этой чести из всех русских литераторов удостоился только один я» (VI, 449—451).

36

С. Петербург. 10 мар<та> 1872 г.

Милый Саша! Ты получил уже приглашение из Собрания художников приехать на свой юбилей? ¹ Не знаю — как ты поступишь, но, по моему мнению, приехать тебе *совершенно необходимо*. Подобные случаи редко повторяются, сочувствие к твоему празднику огромное, но если тебя не будет, все расстроится и половины гостей не придет. А между тем возможен полный успех твоего праздника не только важен для твоей славы, но может иметь влияние и на министерство Двора по вопросу о твоей пенсии. Повторяю еще раз, что, по моему мнению, если ты только чувствуешь себя настолько здоровым, чтобы ехать, то никакие другие соображения не должны тебя удерживать: я считаю твой приезд *крайне необходимым*.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Островский на свой юбилей в Петербург не приехал.

37

С. Петербург. 18 марта 1872 г.

Спасибо тебе, милый Саша, за ножик, который сделан с таким искусством, что трудно поверить, что он вырезан не мастером-специалистом по этой части работ¹. Честь тебе и слава!

Твой праздник здесь прошел довольно оживленно, но не очень, что и надо было ожидать при твоем отсутствии. Были на нем, между прочим, Некрасов, Салтыков, Унковский, Филиппов, Кидошенков... К сожалению, главнейшими распорядителями были никому не известный Аристов и известный не за серьезного деятеля Н. Потехин, которые за своею подписью и рассылали приглашения. Почему же во главе этого дела не стал ни один из известных художников или артистов? Многие, зная, что ты не

приедешь, не поехали именно потому, что не хотели быть гостями Аристовы и Потехина².

С большим удовольствием прочел я описание праздника, данного тебе в Москве, и твою прекрасную речь, сказанную за обедом³.

Что касается до твоих перспективных денег, то, несмотря на все мои усилия, я только сегодня мог получить из Конторы извещение, что во вторник выдадут ассигновку на получение за 1872 г. 800 руб. и *вслед за тем* будет составлен расчет и за 1871 г., за который, как еще прежде сообщали посланному мной чиновнику, причитается 400 руб. с чем-то. Впрочем, пока не выдадут ассигновки, на их приблизительные расчеты полагаться нельзя. Во всяком случае уведомя меня немедленно о том: если тебе причитается от 1200 руб. до 1300 руб., то сколько я тебе должен выслать и сколько могу удержать (чтобы заплатить некоторые долги, которые я в последнем году сделал).

Я слышал, что Андрюша в Москве... Не знаешь ли, долго ли он пробудет и когда возвращается в Казань?

Прощай, будь здоров, поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат М. Островский

¹ Островский в свободное время любил заниматься выпиливанием по дереву. Рамки своей работы и другие безделушки он дарил друзьям и родным. В ГЦТМ хранится токарный станок, принадлежавший Островскому, на котором он работал, а также ножик и другие предметы, сделанные им.

² 15 марта 1872 г. Собрание художников в Петербурге устроило в честь Островского обед, на котором было собрано свыше 1000 рублей на школу имени Островского в Щелкове. Поэт А. Н. Апухтин произнес экспромт, посвященный юбилею; литератор В. Р. Зотов напечатал стихотворное приветствие Островскому «На Руси ваше имя гремит...» («Огонек», 1884, № 23, стр. 439).

³ 14 марта 1872 г. Артистический кружок устроил в честь Островского обед, прекрасный спектакль и ужин. На приветствия артистов Островский ответил речью, в которой выразил надежду, что Общество не будет встречать в дальнейшем «препятствий и помех в достижении своих возвышенных целей и в исполнении своих благородных намерений» (X, 133). 15 марта Островского чествовало Собрание драматических писателей. Поздравления поступали со всех концов России. Артист Чистяков прочитал приветствие провинциальных актеров, в котором говорилось: «Все мы развивались под влиянием того нового слова, которое внесено было вами в русскую драму; вы — наш наставник, и потому каждый из нас обязан вам многим» («Летопись», стр. 199). Островский ответил на приветствие благодарственной речью. 27 марта Островского чествовали почитатели из московского купечества и поднесли ему серебряную вазу с бюстами Пушкина и Гоголя (эта ваза хранится сейчас в ГЦТМ).

Кинешмское уездное земское собрание откликнулось на юбилей драматурга избранием его почетным мировым судьей.

Милый Саша. Пьесу твою получил и тотчас же ее прочел¹. По моему мнению, вещь прекрасная и, под первым впечатлением, я решительно ничего не могу заметить. Честь тебе и слава! Другой экземпляр уже списан и сегодня будет отдан Бурдину. Но что мне делать с Некрасовым? Он ко мне не является и не присылает; ждать же его я не имею времени, так как через три дня уезжаю за границу: когда же тут дожидаться, пока этот кулак-литератор найдет возможным оторваться от своих важных занятий и бросить благосклонный взгляд и на твой труд, да скоро ли он еще просмотрит (он ведь то за картами, то на охоте), да потом еще ломаться начнет. С одним Стасюлевичем я бы кончил в один же день.

В таком положении дела я решаюсь просить Бурдина исполнить все то, что ты мне поручил, т. е. отдать пьесу Некрасову, и если он 1 400 руб. не даст, то передать ее Стасюлевичу, и деньги тебе выслать.

Прощай, милый Саша, будь здоров, поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Пьеса «Комик XVII столетия» написана к 200-летию юбилею официального открытия театра в России, которое праздновалось 30 октября 1872 г. Пьеса была закончена 9 сентября 1872 г. 12 сентября драматург послал ее М. Н. Островскому в Петербург для передачи в театральную цензуру и в «Отечественные записки», где она была напечатана в 1873 г. (№ 2).

Премьера пьесы состоялась в Москве 26 октября 1872 г. в бенефис Д. В. Живокни. В Петербурге пьеса при жизни драматурга не шла.

39

С. Петербург. 22 апреля <18>73 <г.>

Спешу уведомить тебя, милый Саша, что новая пьеса твоя¹ передана уже Некрасову вместе с письмом и ножиком. Сам я ее, конечно, прочел и прочел с большим волнением. Давно не испытывал я такого сильного и вместе с тем освежающего и успокаивающего впечатления, какое произвела на меня твоя «Снегурочка». Честь тебе и слава, что ты сохранил в душе своей столько поэтического чувства и способность так объективно относиться к своим художественным задачам! Твоя новая пьеса так и дышит тем эпическим характером, который так привлекателен для меня в творениях замечательных поэтов прежнего времени.

Будет ли иметь твоя пьеса успех на сцене, — это для меня в настоящем случае вопрос второстепенный, так как подобные произведения пишутся, очевидно, не столько для того, чтобы их играли, сколько для того, чтобы их читали. К тому же ты здесь более компетентный судья, чем я. Тем не менее мне казалось бы, что для большего сценического успеха не мешало бы сократить некоторые монологи, которые, как они ни прелестны в чтении, не будут оценены театральной публикой, которая многого не расслышит и которой, как известно, только то нравится, что, не требуя от нее напряженного и утомительного внимания, само собою производит определенное и резкое впечатление. Впрочем, повторяю, ты здесь судья более компетентный, чем я.

Не могу, конечно, сказать, чтобы пьеса твоя не вызывала и сама по себе некоторых вопросов, разрешения которых я желал бы от тебя иметь, но это удобно сделать только при личном свидании — теперь же не могу не спросить тебя об одном — для чего престелную сцену между Купавой (жалующейся на Мизгиря) и царем, сцену, полную искреннего и наивного комизма, ты кончил искусственным комическим положением, заставив Купаву на деле показать, как она упала без чувств. По-моему, лучше было бы эту искусственность не вводить.

В заключение прибавлю, что так как в твоей пьесе много слов старинных, большинству читающей публики не известных, как, например, комони, сулица, туга («тугой поникли деревья и травы») и т. п., то не мешало бы при печатании пьесы, в конце ее приложить объяснение этих слов.

Затем еще раз поздравляю тебя с прекрасным произведением и желаю тебе дальнейших успехов в избранном тобою роде творчества!

Любящий тебя брат

М. Островский

Марье Васильевне, которой кланяюсь, передай, что никаких дам я нынешним летом к себе в деревню не ожидаю.

Деток поцелуй.

Я не упомянул — какими прелестными стихами и каким прекрасным языком написана твоя пьеса: ты в этом отношении единственный писатель из всех ныне пишущих.

¹ «Снегурочка» была напечатана в «Вестнике Европы» (1873, № 9), а не в «Отечественных записках», как предполагалось вначале, из-за денежных затруднений журнала. «Снегурочка» была одобрена Театрально-литературным комитетом 14 апреля и 19 апреля этого же года разрешена драматической цензурой к представлению. Но в этом году поставлена в Петербурге не была. В Москве премьера состоялась на сцене Большого театра 11 мая 1873 г. в бенефис В. И. Живокини (роль Бермяты).

В этом спектакле участвовали Г. Н. Федотова (Снегурочка) и М. Н. Ермолова (Весна-Красна). По просьбе Островского музыку к спектаклю написал Чайковский, который называл «Снегурочку» одним из любимых своих детищ. На сцене Александринского театра «Снегурочка» была поставлена только в 1900 г. Снегурочку играла Комиссаржевская.

40

С. Петербург. 23 июля (1873 г.)

Посылаю тебе, милый Саша, брошюрку «Дополнения и заметки к словарю Даля» Шейна. Брошюрка может быть для тебя бесполезна, тем более, что в ней много заметок о словах, относящихся к судостроению и рыбной ловле, что особенно, кажется, тебя занимает. Доверенность на ввод во владение меня Щелыковым выплю немедленно (завтра или послезавтра), хотя я несколько затруднен ее составлением, так как не имею сведений о времени совершения на Щелыково купчей крепости. Денег также постараюсь прислать к августу.

У нас все время были нестерпимые жары, которые делали пребывание мое в Петербурге совершенно невыносимым, а потому я решился хоть конец лета провести на хорошем воздухе и нанял дачу в Парголово, где живу уже более недели. Место, где я живу, превосходное, главное, имеется *деревенский пейзаж*, что редкость на наших дачах, много лесу и особенно воды (Парголово-озера).

Писал ли тебе Горбунов: он собирается приехать к тебе, хотя бы и на короткое время, но непременно.

От Третья Иванoviча я тоже получил письмо из Москвы. Над ним собирается гроза: по поводу своих чтений в Обществе любителей духовного просвещения о неудачах единоверия он написал ряд полемических статей в «Гражданине», где с большим остроумием осмеял и обругал профессоров Духовной академии, ему возражавших. Те обиделись, жаловались председателю общества в. кн. Константину Николаевичу и выразили намерение *in согроге* выйти из членов Общества. Великий князь тоже очень недоволен, и чем это кончится, не знаю. По моему мнению, статьями своими Третья Иванoviч доказал огромный полемический талант.

Будь здоров, милый Саша, поцелуй деток и поклонись Марье Васильевне.

Любящий тебя брат

М. Островский

Получил ли ты от Стасюлевича корректуру «Снегурочки»? Не задерживай ее.

41

(Петербург. 31 марта 1874 г.)

Благодарю, милый Саша, тебя и Марью Васильевну за поздравление с днем моего рождения. Поздравляю и тебя с днем твоего рождения и с наступившим праздником и от души желаю тебе всего хорошего и, преж-

де всего, здоровья. Очень жаль, что тебе приходится отказываться от должности уездного предводителя дворянства. Отказываешься ты, вероятно, потому, что нельзя соединить исправление этой должности с жизнью большей части года в Москве. Если этого нельзя, то нечего и думать о принятии этой должности, но если бы можно было и исправлять должность предводителя и жить по-прежнему вне Москвы только несколько летних месяцев, то ты, конечно, не отказался бы от предводительства, зная, как мало у нас вполне достойных людей на выборных должностях.

Отрывок из комедии, помещенный тобою в «Складчине», мне очень понравился своею безыскусственностью, живостью и юмором¹. Очень рад, что ты решился не спешить окончанием всей комедии и хочешь поработать над ней в деревне.

От Пети ты узнаешь — почему я затруднился исполнить твою просьбу относительно Комитета и Общества драматических писателей. Когда это дело для меня разъяснится, я сделаю все возможное.

Засим, прощай, милый Саша, поправляйся поскорее от своей лихорадки. Марье Васильевне кланяюсь, деток целую.

Любящий тебя брат

М. Островский

31 марта 1874 г.
С. Петербург.

¹ Об этом см. стр. 202 настоящ. кн.

С. Петербург. 27 июля 18<74> г.

Давно, милый Саша, собирался я писать тебе, да все как-то не удавалось: слишком занят был служебными делами. Теперь выдалось время несколько посвободнее, и я берусь за перо, чтобы с тобою побеседовать. Прежде всего уведомляю тебя, что я высылаю тебе при сем две книжки «Вестника Европы» за июнь и июль и один № «Голоса», где помещена статья в защиту литературной собственности противу известной статьи «Судебного вестника». По поводу этой статьи помещена еще заметка в только что вышедшей книжке «Отечественных записок», в разделе «Современные заметки», принадлежащая перу брата Пети. Он вообще в последнее время стал подвизаться на журнальном поприще, участвуя в «Отечественных записках» и фельетонах «Голоса» (вместе с Плещеевым). Пишет он недурно и зарабатывает порядочный гонорарий.

Погода у нас все время стоит отвратительная: холодно и дождливо; летних дней почти совсем не было. Неужели и у вас такая же погода? Как прошел сенокос? И каков вообще урожай?

В последнее время в Петербурге только и толков было что о новых назначениях, о которых ты знаешь из газет. Но что бы об этих назначениях ни говорили, нет основания ожидать каких-либо изменений в направлении наших внутренних дел. Во вторник в Комитете министерства будет слушаться представление министра внутренних дел об уничтожении задержанной книжки «Отечественных записок» за май. Я прочел ее внимательно и ничего противоправительственного не нашел. Не знаю, как посудит Комитет. Между тем в этой же книжке помещена превосходная статья Салтыкова «Благонамеренные речи», быть может, лучшая из всего того, что он написал в последнее время. Впрочем, так как она не подверглась замечанию, то, вероятно, перепечатана будет в одной из следующих книжек.

Курьезные письма, писанные
по случаю продажи
моих сочинений
от 1869 до 1874 г.

ЗАМЕТКА ОСТРОВСКОГО ПО ПОВОДУ ПИСЕМ ИЗДАТЕЛЯ Д.Е. КОЖАНЧИКОВА:

«Курьезные письма по случаю продажи моих сочинений от 1869 до 1874 г.»

Автограф

Центральный театральный музей, Москва

Грота я еще не видал, так как мне все что-то нездоровится и я, почти безвыходно, сижу дома. Как только буду здоровее и посвободнее от занятий, постараюсь его увидеть и переговорить о том, о чем ты желал.

Здоровы ли вы все? Что поделяваете? Посетил ли тебя кто-либо из твоих знакомых? Напиши, пожалуйста.

За сим, будь здоров, милый Саша, поцелуй деток и поклонись Марье Васильевне и Анне Исаевне.

Любящий тебя брат

М. Островский

P. S. Марье Васильевне посылаю при сем киевских конфет.

43

С. Петербург. 9 дек(абря) 1875 г.

Как твоё здоровье, милый Саша? Бурдин говорил мне, что у тебя болело горло: поправился ли ты? Вчера я смотрел «Волки и овцы»¹, но, к сожалению, должен был после третьего акта уехать из театра и потому могу судить только об этих первых актах. Судя по ним, пьеса должна была иметь значительный успех. Сазонов был превосходен; Савина была очень мила, остальные — приличны; кроме Горбунова, который, как и всегда, был из рук вон плох. Савину и Сазонова, особенно же последнего, вызывали и во время и после каждого акта по несколько раз. Сегодня никого, из бывших вчера в театре, мне видеть не удалось и потому как прошли последние два акта, — не знаю, но полагаю, что хорошо: я был на репетиции и видел, как прекрасно Савина оканчивает 4-й акт и как естественно теряется Читау перед Беркутовым в 5-м акте.

«Богатые невесты» идут все лучше и лучше и все более и более нравятся публике². Пьеса много выиграла от того, что Монахова (который на первом представлении был совершенно пьян) заменил Арди³, — как много выиграли бы и «Волки и овцы», если бы тот же Арди заменил Горбунова.

Отзовись, милый Саша, мне на эти строки, поблаговари деток за письма и поцелуй их; Марье Васильевне поклонись.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Первое представление комедии состоялось в Александринском театре 8 декабря 1875 г. в бенефис Бурдина, исполнявшего роль Лыньева. В спектакле участвовали: Мурзавецкая — А. М. Читау, Глафира — М. Г. Савина, Чугунов — К. А. Варламов, Беркутов — А. А. Нильский, Мурзавецкий — Н. Ф. Сазонов, Горецкий — И. Ф. Горбунов, Кунавина — В. К. Лядова-Сарриотти, Анфуса Тихоновна — М. М. Александрова. Спектакль Александринского театра большого успеха не имел. Рецензенты отмечали небрежность художественного оформления и слабое исполнение многих ролей, в том числе и роли Лыньева. В Малом театре премьера состоялась 26 декабря этого же года в бенефис Н. А. Никулиной (роль Глафиры). Спектакль имел успех, но из-за болезни Никулиной и Г. Н. Федотовой, игравшей Кунавину, через две недели после премьеры пьеса с репертуара была снята.

² Пьеса «Богатые невесты» впервые напечатана в «Отечественных записках» (1876, № 2). Премьера в Александринском театре состоялась 28 ноября 1875 г. в бенефис Е. М. Левкеевой, игравшей роль Бедонеговой.

³ Николай Иванович Арди (Нечаев; 1834—1890) — русский драматический актер и певец, пользовался большим успехом в пьесах Островского.

44

С. Петербург. 1 апр(еля) 1878 г.

Благодарю, милый Саша, тебя и всю твою семью за поздравление с днем рождения. Поздравляю и тебя. Вчера не успел написать тебе, как не успел даже пообедать: такой был сумасшедший день. С 10 часов утра до 7 вечера я был в Окружном суде, где судилась Засулич, стрелявшая в Трепова¹. Оправдательный вердикт присяжных и, главное, то необыкновенное сочувствие, с которым он был встречен присутствовавшими на суде лицами, принадлежавшими к избранному обществу, произвели здесь сильное впечатление и вызвали массу комментариев. Одно, что несомненно, это то, что Трепов далеко не пользуется уважением общества, а незаконный его поступок с Боголюбовым порицается всеми с чувством сильнейшего негодования.

По справке в театральной конторе относительно твоих поспектакльных денег оказалось, что тебе причитается 1 233 руб., что ассигновка готова и завтра отправлена будет в кассу для перевода тебе денег в Москву. Последнее распоряжение сделано по заявлению, будто бы, Бурдина... Это, впрочем, все равно: только бы не задержали перевода!

За сим будь здоров, поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Вера Ивановна Засулич (1851—1919) — 24 января 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова за то, что по его распоряжению был подвергнут телесному наказанию политический заключенный Боголюбов. Общее возмущение дикой расправой было настолько велико, что суд присяжных оправдал Засулич. Власти намеревались задержать ее, но она успела скрыться за границу.

С. Петербург. 16 окт(ября) 1878 г.

Напиши мне, милый Саша, как ты себя теперь чувствуешь, когда думаешь кончить пьесу и намереваешься приехать в Петербург. Н. Я. Соловьев был у меня не один раз и читал свои сцены: «Первый шаг»¹ (кажется, так называется пьеска, написанная им у нас в деревне): талант очевидный, но грубость и вообще неумелость отделки уже чересчур сильно дают себя чувствовать. Тебе больших трудов будет стоить, чтобы образовать из него хорошего драматического писателя. Он передал мне 319 руб. и просил сохранить их до твоего приезда, говоря, что у тебя с ним есть какие-то счета.

Приезжай, пожалуйста, как только кончишь пьесу. Поездка и рассеяние тебе, кроме пользы, ничего не принесут.

Итак, надеюсь до скорого свидания! Поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Очевидно, Михаил Николаевич имеет в виду пьесу «Дикарка» (в первой редакции называлась «Без искушения»; во второй — «День расплаты»). Пьесы с названием «Первый шаг» у Н. Я. Соловьева нет.

Действительно, над этой пьесой Островскому пришлось работать особенно много и только в 1880 г. («Вестник Европы», № 1) был напечатан окончательный вариант с названием, придуманным Островским.

«Над «Дикаркой» мне гораздо больше труда, чем над «Белугиным»; я пишу ее всю снова, с первой строки и до конца, новые сцены, новое расположение, новые лица», — писал Островский Соловьеву 15 сентября 1879 г. (XV, 151).

Познакомившись с пьесой после переделки Островского, Соловьев написал ему: «Горячо благодарю вас за «Дикарку», — в таком виде она, конечно, больше ваша, нежели моя, и я искренно рад, что под ней стоит и ваше имя: это так справедливо, и для меня очень дорого!» (9 октября). Однако, редакцию Островского Соловьев полностью не принял и высказывал недовольство двумя последними актами пьесы.

Островского огорчало отношение Соловьева, непонимание им идейно-художественного значения внесенных Островским изменений. В своих письмах он подробно разбирает характеры основных персонажей, объясняет идею произведения. В частности, 11 октября 1879 г. он писал: «Я над «Дикаркой» работал все лето, а думал два года, у меня не только ни одного характера или положения, но нет и ни одной фразы, которая бы не вытекала из идеи. А идея моя вот какая, постарайтесь ее понять! Каждое время имеет свои идеалы, и обязанность каждого честного писателя (во имя вечной правды) разрушать идеалы прошедшего, когда они отжили, опошлись и сделались фальшивыми...» (XV, 154).

Гомбург. 4/16 июня <18>79 г.

Пишу тебе, милый Саша, уже из Гомбурга, куда я приехал три дня тому назад. Из Петербурга я выехал позднее, чем предполагал, ожидая Верховного суда над Соловьевым, на котором я хотел непременно быть и был. Ощущение вынес тяжелое. При слушании судебного следствия многое пришло мне в голову по поводу нашей социально-революционной партии, но теперь не время и здесь не место об этом говорить. Скажу одно, что то самообладание, которое выказал преступник, меня поразило. Он выслушал смертный приговор, глазом не моргнувши¹.

В Берлине пробыл трое суток и был свидетелем торжеств в честь золотой свадьбы императора. Народ с ума сходил, но из грубого до жестокости обращения полиции с народом чувствовалось, что в городе осадное положение. Одна стена очень меня заинтересовала и даже тронула. «Под липами» противу дворца, как ты, конечно, помнишь, стоит памятник Фридриху Великому. Молодежи из народа пришла в голову мысль

влезть на памятник и возложить на главу Фридриха Великого венок. Многие пытались, но безуспешно: все обрывались и соскакивали на землю. Наконец, один юноша, лет 16-ти, достиг-таки цели: влез на статую и возложил венок. Надо было видеть, с каким чувством народ следил за этими попытками и какой был восторг его, когда юноша, взобравшись на самый верх, обвил шею Фридриха Великого своими руками, чтобы завязать тесемки венка. Раздался какой-то неистовый рев, и долго стоял в воздухе, пока юноша не слез на землю. Просто страшно становилось слушать.

Гомбург — прелестное местечко, славящееся своим необыкновенно здоровым воздухом. Эта слава так велика, что сюда приезжает на житье много стариков с единственной целью продлить сколь возможно долее свое существование. Так, из русских здесь жил Киселев, кн. Вяземский и живет девяностолетний старик Мансуров. Но всего более здесь англичан. Вокзал кургауза великолепный, его окружает прекрасный парк, прикасающийся с обширным лесом, тянущимся по отрогам Таунаса. Все это завершается видом на горы, с которых веет прохладным, живительным воздухом. Великолепие кургауза, красота сада и парка, превосходные отели, — все это напоминает лучшие для Гомбурга времена, когда здесь царила рулетка, привлекавшая со всех концов света массу богатого или, по крайней мере, тароватого народа. С запрещением рулетки Гомбург значительно опустел, но следы прежнего великолепия, роскоши и комфорта остались, так что теперь здесь, при сравнительно с другими минеральными водами, большей тишиной и покоем, можно пользоваться лучшими удобствами, чем где-либо. Я не говорю уже о воздухе: по общему свидетельству нигде в Германии нет такого свежего и живительного воздуха. Погода стоит здесь прекрасная. Какова-то у вас в Щелькове? Напиши мне, пожалуйста, адресуя: «Homburg, pris de Firancfors, Hotel Belle rue».

Я пробуду здесь еще, по крайней мере, с месяц. Куда и когда отсюда поеду — напишу в свое время.

Ну, прощай, милый Саша, будь здоров, поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат

М. Островский

Деньги (1500 руб.) я получил перед отъездом.

¹ За покушение на Александра II, совершенное 2 апреля 1879 г., А. К. Соловьев по приговору суда был повешен.

Милый Саша! К крайнему моему сожалению, я должен отказаться от намерения приехать нынешним летом в Щельково: доктора настойчиво посылают меня на воды (Виши) и на морские купания (Биариц). Я долго не решался ехать за границу, намереваясь продолжать свое лечение в деревне; останавливали меня также и экономические расчеты, так как я отправил уже за границу большую Машу (на это тысячи рублей мало), а теперь приходится и на себя тратить. Но благоразумие взяло верх и я завтра уезжаю... Буду ехать не спеша, с остановками и отдыхом и потому в Виши еще не скоро попаду.

Судя по отзывам, Пушкинский праздник удался вполне и был вполне народным торжеством. Поздравляю и тебя с успехом: речь твоя, говорят, произвела сильное впечатление¹...

Старые журналы я отправляю с товарным поездом в деревню и посылаю тебе квитанцию на получение их с железной дороги. Когда соберешься написать, адресуй: «Vichy France, poste restante».

За сим, будь здоров, поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат

М. Островский

¹ Имеется в виду открытие памятника Пушкину в Москве, которое вылилось в большое литературно-общественное событие — «Пушкинский праздник».

«Застольное слово о Пушкине» произнесено Островским 7 июня на торжественном обеде московского Общества любителей российской словесности. Оно было напечатано в «Вестнике Европы» (1880, № 7).

48

⟨Петербург. 6 февраля 1881 г.⟩

Милый Саша! У меня сейчас был Н. С. Абаза¹ и просил меня передать тебе, чтобы ты выслал экземпляр «Свои люди — сочтемся» в том виде, в каком хочешь, чтобы он был пропущен, *прямо на его имя*. Он немедленно же сделает распоряжение по цензуре об его пропуске.

Писать более не имею времени. Страшно занят.

Будь здоров, поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат

М. Островский

6 февр. 81.

С. Петербург.

¹ О Н. С. Абазе — см. стр. 125 настоящ. кн. Благодаря ходатайству М. Н. Островского, Абаза разрешил в 1881 г. комедию «Свои люди — сочтемся!» к представлению по тексту первой, не искаженной цензурой редакции.

Таким образом, комедия появилась на сцене в первоначальной редакции только через 32 года после ее написания.

49

С. Петербург. 8 янв⟨аря 18⟩83 г.

Давно собирался я писать тебе, милый Саша, да служебные заботы и хлопоты, усложнившиеся неожиданными переменами и передвижениями в личном составе центрального управления Министерства, отнимали у меня и время и покой душевного состояния, так что не до переписки, даже с самыми близкими людьми, было мне все это время. Пьесу твою я давно получил от Салтыкова¹. Она показалась мне чересчур реальной, хотя должен сознаться, что последнее время я был так озабочен и встревожен, что не имел ни сил, ни возможности быть сознательным и беспристрастным судьей художественного произведения. Я был на репетиции: Потехин и актеры делали все возможное, чтобы обставить и разыграть ее, как можно лучше. На спектакле быть не мог, но о громадном успехе ты, конечно, имеешь подробные сведения от Бурдина.

Писать Гурко о том, чтобы Косаговский⟨?⟩ не мешал вашему обществу драматических писателей — мне трудно, так как я не знаю подробностей дела. К тому же Гурко собирается приехать в Петербург, и на словах объясниться с ним будет удобнее, чем переписываться.

Как теперь твое здоровье? Я довольно долго хворал от простуды; теперь же чувствую себя недурно.

Работаю много и много волнуюсь. Теперь сижу за изучением вопроса о Закавказском транзите.

Будь же здоров, поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат М. Островский

¹Пьеса «Красавец-мужчина» («Отечественные записки», 1883, № 1).

50

С. Петербург. 9 августа 1883 г.

Милый Саша, 6 августа вечером возвратился я из заграницы, а вчера (8-го) получил письмо твое. Ты мне ставишь два вопроса: насчет сына своего Саши и насчет поездки на Кавказ. На второй вопрос я могу отвечать без малейшего затруднения и вполне удовлетворительным, надеюсь, для тебя образом. Отправиться на Кавказ я предполагаю приблизительно через месяц, т. е. в первой половине сентября. Довезти тебя до Тифлиса могу с полнейшим для нас обоих удобством, так как в моем распоряжении, по всей вероятности, будет особый, целый вагон, в котором я и буду по всем дорогам разъезжать. Беру с собою, кроме Ал. Петр. Молчанова, одного человека и одного курьера, так что прислуги для нас будет достаточно. И по Кавказу, если пожелаешь, можем ездить вместе без всякого затруднения: я намерен его весь изездить, быть и в Баку, и в Батуме, и в Карсе и даже на Саганлуке. Затем, если ты решишься пробыть на Кавказе столько же времени, сколько я там останусь (по крайней мере, месяц), то можем и обратно вместе ехать, причем, если будет тихо на море, то мы могли бы возвратиться через Крым, доехав до Крыма морем. Очень и очень бы желал, чтобы тебя все это устраивало и чтобы ты на Кавказ со мною поехал: я убежден, что эта поездка принесет громадную пользу твоему здоровью.

Что же касается до твоего сына, то тут я становлюсь совершенно в тупик. Я его совсем не знаю, не знаю ни его способностей, ни его характера, не могу отдать себе отчета — на какой труд он способен и сколько в нем истинного желания трудиться. Вообще же во всей этой неудаче с ним для меня много неясного. На моих глазах и на моих руках был и есть подобный пример, — это сын Сережи, тоже Саша. Мальчик очень неглупый, но крайне избалованный матерью, которая во всем ему потакала и не приучила его к *неприятному труду*, тогда как одна из главнейших задач детского воспитания и есть приучение детей к труду неприятному, который на каждом шагу встретят они в жизни. Отдавали его и в классическую гимназию, и в реальное училище и еще куда-то, — ничего не помогло. Кончилось тем, что он поступил вольноопределяющимся в военную службу и на днях должен держать экзамен на первый офицерский чин, для чего с целью подготовки я поместил его на целое лето у одного офицера, которому плачу очень дорого. Для подобных неудавшихся молодых людей один исход — военная служба. Но все-таки, милый Саша, отсюда, на бумаге я не могу дать тебе относительно Саши никакого определенного совета. Другое дело, если бы мы могли лично об этом переговорить.

Уезжая из Щелыкова, не забудь, пожалуйста, захватить с собой мою бурку и большие сапоги, если они там остались.

Затем, поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат М. Островский

Относительно ваших земских дел ничего не пишу, не зная всех подробностей.

Заграничная моя поездка совершилась вполне благополучно и карлсбадские воды мне, кажется, помогли.

51

С. Петербург. 27 авг<уста 18>83 г.

Поздравляю тебя, милый Саша, с наступающим днем твоих именин и спешу тебя уведомить, что на Кавказ я поеду в 20-х числах сентября, т. е. из Петербурга выеду, по всей вероятности, между 20 и 25-м сентября. Когда окончательно день выезда определится, я тебя заблаговременно письмом или телеграммой уведомя. В Москве же, во всяком случае, пробуду дня два.

Пожалуйста, не оставляй намерения съездить на Кавказ вместе со мною: я убежден, что поездка эта будет для тебя полезна во всех отношениях. Неудобств никаких в пути испытывать не будешь.

И. С. Тургенева не стало. Как ни освоился я с мыслью, что он не переживет своей болезни, весть об его кончине меня так поразила, что я до сего времени не могу успокоиться. В нем было редкое соединение ума, таланта, образования и прекрасной души. Вечная ему память!

Любящий тебя брат

М. Островский

Поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

52

С. Петербург. 29 янв<аря 18>84 г.

Милый Саша, вчера я телеграфировал тебе, вместе с Н. С. Петровым, о всемилостивейшем пожаловании тебе пенсии в 3000 серебром рублей. Пенсией этой ты всецело обязан Петрову, благодаря которому и репертуар на будущее время будет вестись не так, как ведется ныне. Новая твоя пьеса и прежняя («Правда хорошо, а счастье лучше») делают полный сбор.

Вопрос о школе можно считать решенным, но осуществление соединенных с этим вопросом предположений отложено до осени. Я надеюсь, что руководство школой будет предоставлено тебе. Но это дело будущего и пока только мое личное мнение. Завтра получишь официальное письмо от графа Воронцова. По моему мнению, тебе надо приехать, чтобы благодарить государя. Ну, милый Саша, еще раз от всей души тебя поздравляю — поцелуй деток и поклонись Марье Васильевне.

Любящий тебя брат

М. Островский

53

С. Петербург. 14 сент<ября 18>84 г.

Милый Саша! Подробное письмо твое об отношениях твоих к театру я, по прочтении, передал Петрову. Вчера Николай Степанович у меня обедал и очень много говорил и по поводу твоей записки и по поводу твоего письма. Он сам тебе ответит и ответит, вероятно, весьма подробно и весьма искренно. Надеюсь, что ответ его тебя удовлетворит, так как я лично ни малейшим образом не сомневаюсь в его полнейшей готовности сделать все возможное и для театра и для тебя лично¹. Жди его ответа терпеливо: он так страшно занят (он управляет теперь всем министерством Двора), что ничего не будет удивительного, если несколько ответом замедлит.

Получил я также письмо твое о Бурдине вместе и с его собственным письмом. Я от души был бы рад помочь Федору Алексеевичу, и когда

Бурдин будет в Петербурге, то переговорю с ним на его счет, но очень и очень сомневаюсь, чтобы переговоры мои в этом случае увенчались успехом. Трудно предположить, чтобы Варшавское драматическое общество не имело уже режиссера из местных жителей, да к тому же я думаю, что Гурко, будучи лишь почетным (а не деятельным) членом, в распорядительную часть этого Общества не мешается. Как бы то ни было, я, при случае, попытаюсь. Напиши об этом, пожалуйста, Бурдину. Самому мне отвечать ему, право, нет времени. Если ты согласишься за здешним репертуаром, то видишь, конечно, что он основан преимущественно на твоих пьесах; такие же пьесы, как «Около денег», «Призраки счастья» (если не ошибаюсь насчет последней) и тому подобные, сняты с репертуара. Во всем этом видна рука Н. С. Петрова.

За сим, будь здоров, поцелуй деток и поклонись Марье Васильевне.

Любящий тебя брат М. Островский

См. об этом подробно в статье А. И. Ревякина (вторая кн. настоящ. тома).

54

С. Петербург. 27 дек (абря 18)85 г.

Милый Саша, ты просишь меня подготовить Николая Степановича к тому, чтобы пристроить Петю докладчиком в репертуарный Совет. Лучшего выбора нельзя, конечно, и сделать, и я от всей души желал бы, чтобы Петя к этой должности пристроился, но говорить об этом с Николаем Степановичем мне неловко, особенно теперь, когда новое управление московскими театрами ничем еще себя не заявило. Неловко мне говорить, как ты, конечно, и сам хорошо понимаешь, потому что Петя брат мне: не успел устроиться при театре один брат, как я говорю уже о другом. Выходит некрасиво. В этом отношении все должно исходить от вас, из Москвы, совершенно помимо меня. Да и вам я не советовал бы спешить: необходимо, чтобы общество и начальство к вам привыкли, чтобы все увидали — как разумно и беспристрастно ведете вы дело, необходимо, одним словом, чтобы деловая и нравственная физиономия нового управления московскими театрами для всех и каждого вполне обрисовалась. Тогда и в голову никому не придет подумать, что сами вы устраиваете кого-либо при театре, что руководитесь, при этом, не исключительно пользою дела, а чувствами родства, приязни и т. п. Ты сам говоришь, что нельзя помешать Григоровичу, в утешение Всеволожского, сочинять и рассказывать про вас разные смешные анекдоты. Но для вашего авторитета и доброй славы анекдоты не опасны: все знают им цену; а опасна та или другая неловкость с вашей стороны, могущая врагам вашим подать повод заподозрить вас, в глазах людей, недостаточно вас знающих, в беспристрастии и высокой чистоте побуждений. Особенно это опасно, повторяю, — на первое время, когда деятельность ваша еще не обозначилась, когда все с особенным вниманием и интересом будут следить за каждым вашим шагом, а враги ваши (их же, конечно будет немало) с особенною ревностью будут улавливать вас в сети клеветы и инсинуаций всякого рода. На вашем месте я бы, на первое время, привлек Петю к репертуарным занятиям совершенно частным образом (если только это осуществимо) и лишь впоследствии, когда заслуженной репутацией и приобретенным авторитетом вы будете более, чем теперь, обеспечены от всякой клеветы относительно беспристрастия своих действий, я бы решился, по отношению к своему собственному брату, на официальный шаг.

Я потому вошел в такие подробности относительно благой твоей мысли насчет Пети, что глубоко убежден, что всякий неосторожный шаг ваш на первое время может привести неисправимый вред и вам и, глав-

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ
«КОМИК XVII СТОЛЕТИЯ»

ДЬЯКИ — С. И. ЯКОВЛЕВ
И А. А. УСАЧЕВ

Александринский театр,
1894—1895-е годы

Фотография

Центральный театральный музей,
Москва

ное, успеху вашего дела. Затем, поступайте, как бог на душу пошлет, я же *dixi et animam levavi**

любящий тебя брат М. Островский

Р. С. Поблагодари Ап. Ал. Майкова за его любезное письмо ко мне. Завтра должен быть подписан именной указ Сената о Майкове и высочайший приказ о тебе.

55

С. Петербург. 3 янв(аря) 18>86 г.

Милый Саша! Поздравляю тебя и всех твоих с наступившим новым годом; поздравь от меня и поблагодари за поздравительную телеграмму Ап. Ал. Майкова. Дай вам бог здоровья и успеха в делах ваших!

Н. С. Петрова я видел вчера, и он мне говорил, что получил от тебя письмо по поводу «Воеводы». Он хотел тотчас же доложить министру. Он ни малейшего повода не видит к пересмотру твоей пьесы в Комитете, тем более, что самое возбуждение об этом вопросе зависит теперь уже от Ап. Ал. Майкова. Он будет тебя просить, а, может быть, уже и просил о присылке твоего формуляра. Затем он мне сказал, что производство тебя в соответствующий твоей должности чин последует, вероятно, к Пасхе.

* сказал и облегчил душу (лат.).

Ну, как-то вы принялись за новое дело? Успеете ли что-нибудь полезное сделать до окончания сезона? Все это меня сильно интересует, и я надеюсь, что Аполлон Александрович в бытность свою в Петербурге, посвятит меня во все подробности первоначальных ваших соображений и действий. Напомни ему о моей просьбе у меня остановиться, если только он не найдет себе иного, более удобного пристанища. Стеснить меня, как ты очень хорошо знаешь, он не может.

Новый год ничего особенно нового в правительственной сфере нам не принес, если не считать новым назначением Ивана Николаевича Дурново членом Государственного совета¹, что было предрешено еще год тому назад и от чего России ни тепло, ни холодно, конечно, не будет. Затем, все остается, к сожалению, по-старому, — говорю: «к сожалению», потому что многое старое крайне неутешительно.

Еще раз от души желаю вам и здоровья и успеха. Кланяюсь Марье Васильевне и целую детей твоих.

Любящий тебя брат М. Островский

¹ Иван Николаевич Дурново (1830—1903) — министр внутренних дел, статс-секретарь; с 1882 г. — товарищ министра внутренних дел. В 1886 г. назначен главным-управляющим Канцелярии по учреждениям императрицы Марии и членом Государственного совета.

56

С. Петербург. 10 янв(аря) 18>86 г.

Милый Саша! Из объяснений с Н. С. Петровым оказалось, что ты совершенно напрасно волнуешься по поводу той роли, которая будет тебе принадлежать в деле заведования театральной школой. Что дело это входит прямо в круг твоих обязанностей, это видно из письма министра к Ап. Ал. Майкову, где дословно приведен текст всеподданнейшего доклада. Все это, конечно, окончательно разъяснится, как скоро Аполлон Александрович придет в Петербург, но по моему мнению, тебе и приезда этого ждать не следует для того, чтобы заняться серьезно школой, изучить теперешнее ее положение и проектировать все то, что надо сделать и что вы сделать можете своею ли властью, с утверждения ли министра.

Нового у нас решительно ничего нет, ни во внутренних, ни во внешних делах. Начинается сезон балов и разного рода увеселений, но так как я на эти балы мало езжу, то они меня почти и не отвлекают от моих занятий по Министерству, в составе которого я произвожу в настоящее время серьезную перемену, именно увольняю директора Лесного департамента как человека, не оправдавшего моих ожиданий. Тяжело мне было высказать ему в глаза мой приговор, — но делать было нечего. Ему еще тяжелее приходилось слушать то, что я говорил, чем мне говорить то, что он слушал. Тяжелые минуты, которые я переживал, решаясь так сильно огорчить в сущности хорошего человека и приводя в исполнение свое решение, это участь всякой власти, а в том числе, конечно, будет и вашей участью. Желаю вам в этих случаях твердости характера и нервов. От Нильского я получил письмо с просьбою похлопотать у тебя о принятии его на московскую сцену. Видно Нильский мало меня знает, если обращается ко мне <с> подобными просьбами, рассчитывая, что я буду вмешиваться не в свое дело. Ну, милый Саша, будь здоров, поклонись Марье Васильевне и поцелуй детей.

Любящий тебя брат М. О.

С. Петербург. 12 марта <18>86 г.

Милый Саша, я имею от тебя два письма, из которых в первом ты спрашиваешь моего совета, — приезжать ли тебе в Петербург, а во втором уведомляешь, что ты мог бы взять на себя сформирование для Варшавы на май месяц хорошей труппы, если бы Гурко обратился к тебе по этому поводу с письмом или телеграммой.

Что касается до приезда твоего в Петербург, то какой же совет я могу тебе дать, кроме того, как сказать: «приезжай!» Из письма твоего видно, что по твоим театральным делам, поездка твоя может быть только полезна, что она является желательною и с твоей стороны и со стороны А. А. Майкова: какой же тут разговор, — приезжай, да и все тут. Я лично, конечно, всегда буду рад твоему приезду, но, может быть, ты желал бы через мое посредство узнать, как посмотрит на твой приезд министерство Двора. Если я не ошибаюсь на тот счет, что ты именно этого и желал, то этого желания я никак удовлетворить не могу, ибо по многим причинам решил устранить себя от всякого посредничества по театральным делам Москвы между новым, правильно и законно установленным, начальством и министерством. Кроме моих личных соображений, достоинство и польза самого дела, как я его понимаю, требуют, чтобы и ты и Майков, вместе взятые, или каждый порознь, по каждому театральному делу непосредственно с министерством сносились. Тем не менее, я полагаю, что на приезд твой взглянут как на дело весьма естественное и весьма полезное. Нужно ли для твоей поездки чье-либо разрешение и чье именно, если нужно, на чей счет подобные поездки совершаются, — на эти вопросы я ответить не могу и они легко, конечно, решатся на основании существующих положений и установившейся практики по театральному ведомству. Одно, что я могу тебе лично от себя посоветовать, это — приезжать не ранее второй половины следующей, т. е. четвертой недели поста. Почему, — объясню при свидании.

За Гурко я очень был бы рад, если бы ты взялся сформировать труппу на май месяц, но для этого тебе нужно или самому написать Гурко, предложив свои услуги, или, если время терпит, переговорить с ним лично здесь в Петербурге, куда он на четвертой неделе тоже собирается приехать. Я же исключительно по этому делу писать ему не желал бы.

Вот, милый Саша, все, что я могу ответить тебе на твои письма. За себя же могу только сказать, что у меня голова кругом идет от тех важных и ответственных дел, над которыми приходится работать и к числу которых принадлежат такие, как, например, рабочий вопрос, чиншевое дело, сахарный кризис, защита крестьян от эксплуатации их помещиками в Остзейском крае. Жду не дожусь того времени, когда получу возможность отдохнуть. Итак, до скорого свидания!

Любящий тебя брат М. Островский

С. Петербург. 9 апреля <18>86 г.

Возвращаю тебе, милый Саша, письмо подрядчика с предложением взятки. Если только это не подложное письмо, то оно отлично характеризует степень развращенности, до которой дошло управление московскими театрами и то тяжелое и неприятное наследство, которое вам досталось. Я показывал это письмо Петрову и из слов его убедился, что с течением времени вы будете освобождены от всех мешающих вам лиц преж-

него управления. Вы, конечно, уже знаете, что государь приедет в Москву не ранее 11 мая и что никаких спектаклей в Москве не будет. Это, конечно, избавит тебя от лишних хлопот и трудов.

У нас после жаркой, чисто итальянской погоды, начались холода, благодаря ладожскому льду, который сплошной массой идет по Неве к морю. Началась эта неприятная операция в нынешнем году месяцем ранее обыкновенного, что обещает более продолжительное лето.

В конце апреля Маша собирается в Петербург и, вероятно, на сутки останется в Москве, чтобы повидаться с вами.

Мы все здесь волнуемся по поводу разного рода государственных вопросов: теперь, как ты знаешь, на очереди так называемый чиншевый вопрос, который так труден и сложен, что как его ни реши, все удовлетворительного решения не получишь. Приходится из различных зол выбирать меньшее.

Ну, милый Саша, будь здоров, поклонись Марье Васильевне и поцелуй деток.

Любящий тебя брат

М. Островский

P. S. Что квартира? Нашли ли вы удобную?